

КУРТ

ВОННЕГУТ

*ТАБАКЕРКА
ИЗ БАГОМБО*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Курт Воннегут
Табакерка из Багомбо

«Издательство АСТ»

1999

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Воннегут К.

Табакерка из Багомбо / К. Воннегут — «Издательство АСТ»,
1999 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133113-9

Ранние рассказы великого Воннегута. Рассказы, в которых молодой начинающий литератор еще только нащупывает свой уникальный стиль. В них уже в полной мере чувствуется подлинно воннегутовский юмор – летящий, саркастичный, почти сюрреалистичный, однако сюжеты и стиль этих рассказов все еще относятся к классической «нью-йоркской школе», столь любимой интеллектуалами середины прошлого века и сохранившей свое непосредственное и тонкое обаяние до сих пор.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-133113-9

© Воннегут К., 1999

© Издательство АСТ, 1999

Содержание

Предисловие	6
Танасфера	13
Мнемотехника	22
Любое разумное предложение	25
Упаковка	32
Бездарь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Курт Воннегут

Табакерка из Багомбо

Kurt Vonnegut Jr.
BAGOMBO SNUFF BOX

© Kurt Vonnegut, 1999

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Предисловие

(Перевод Т. Покидаева)

Как и все двадцать три истории из моего предыдущего сборника «Добро пожаловать в обезьянник», изданного в твердой обложке, эти рассказы были написаны в самом конце золотого века журнальной беллетристики. На протяжении примерно полувека, вплоть до 1953 года, подобное чтение служило пусть и не самым захватывающим, но все-таки популярным способом развлечения для миллионов семей в этой стране – и моя собственная семья не была исключением.

И вот теперь престарелый писатель надеется, что хотя бы какие-то из его ранних рассказов при всей их наивности, непритязательной мягкости и неуклюжести все же сумеют развлечь читателей и в наши жесткие времена.

Эти давние рассказы никогда не были бы переизданы сейчас, если бы мои романы, написанные примерно в то же время, не привлекли благосклонное внимание критиков. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда! К тому времени мои дети уже стали взрослыми, а сам я был человеком, что называется, средних лет. По идее, эти истории, печатавшиеся в журналах, переполненных беллетристикой и рекламой – в журналах, большинство из которых давно почивает в бозе, – тоже должны были тихо скончаться, как бабочки-однодневки.

Тем, что какие-то мои вещи выходят в свет и сейчас, я обязан усилиям исключительно одного человека, издателя Сеймора Лоуренса, для друзей – просто Сэма (1927–1994). В 1965 году, когда меня уже наглухо не издавали и я сидел без гроша в кармане и преподавал основы писательского мастерства в университете Айовы, пытаюсь хоть как-то прокормить семью, оставшуюся на Кейп-Коде, Сэм практически за бесценок выкупил права на издание моих книг – как в твердой, так и в мягкой обложке – у издателей, которые давно поставили на мне крест. Сэм «подтолкнул» мои вещи буквально под нос близорукой публике.

Искусственное дыхание, непрямой массаж сердца – реанимация автора, который благополучно скончался!

И ободренный автор, этот восставший из мертвых Лазарь, написал для Сэма «Бойню номер пять». Эта книга сделала мне имя. Я – гуманист, и потому мне не положено верить в загробную жизнь. Но пять лет назад, на панихиде по Сеймору Лоуренсу в нью-йоркском Гарвардском клубе, я сказал – и сказал от души: «Сэм теперь на Небесах». 7 октября 1998 года я вновь оказался в Дрездене, в том же самом подвале, где проходит часть действия «Бойни номер пять» и где я и еще около сотни американских военнопленных пережили бомбежку Дрездена, эту огненную бурю, унесшую жизни 135 000 человек и превратившую «Флоренцию на Эльбе» в мертвый лунный ландшафт.

Когда я спустился в тот самый подвал, мне вдруг подумалось: «Я прожил так долго и остался одним из немногих людей на Земле, которые видели Атлантиду до того, как ее навсегда поглотила морская пучина».

Рассказы, при всей их краткости, могут нести в себе мощь и величие. Еще в старшей школе я прочитал несколько рассказов, которые сразили меня наповал. Вот первое, что приходит на ум: «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» Эрнеста Хемингуэя, «Открытое окно» Саки, «Дары волхвов» О. Генри и «Случай на мосту через Совиный ручей» Амброза Бирса. Но в этом сборнике, как и в другой моей книге рассказов, нет ни величия, ни мощи. Собственно, они там и не предполагались.

Тем не менее мои рассказы все равно могут быть интересны – хотя бы как реликты «дотелевизионной» эпохи, когда писатель мог содержать семью, сочиняя непритязательные истории, удовлетворявшие вкусам непритязательных читателей журналов, и у него, таким образом, оставалось достаточно времени на работу над большими серьезными романами. В 1950 году, когда я ушел с работы и стал свободным художником, мне казалось, что это уже навсегда.

Причем я питал эти радужные надежды в очень даже хорошей компании. Хемингуэй писал для «Esquire», Фрэнсис Скотт Фицджеральд – для «The Saturday Evening Post», Уильям Фолкнер – для «Collier's», Джон Стейнбек – для «The Woman's Home Companion».

Думайте обо мне что хотите, но я никогда не писал для журнала под названием типа «The Woman's Home Companion», хотя было время, когда я бы с радостью согласился на подобное предложение. И еще я хочу добавить: если женщина-домохозяйка целыми днями сидит одна дома, пока муж на работе, а дети в школе, это еще не значит, что она слабоумная дура.

В связи с выходом в свет этого сборника мне бы хотелось поговорить о необычном и благотворном воздействии, которое рассказ может оказывать на читателя, – о воздействии, отличающем рассказ от романа, кинофильма, спектакля или телепередачи. Но прежде чем я перейду к самой сути, давайте мы с вами представим себе комнату в доме, где прошли мои детство и юность, – в Индианаполисе, в самый разгар предыдущей Великой депрессии. Предыдущая Великая депрессия началась биржевым крахом 24 октября 1929 года и закончилась 7 декабря 1941 года, когда японцы оказали нам услугу, то есть за здорово живешь разбомбили наш коматозный военный флот в Перл-Харборе. Узкоглазым желтожопым ублюдкам, как мы их тогда называли, осточертела Великая депрессия. И нам самим – тоже.

Представьте, что сейчас снова 1938 год. Очередной препаршивый денек в Шортриджской средней школе. Но вот уроки закончились, я возвращаюсь домой. Мама, которая не работает и сидит дома, говорит, что пришел свежий номер «Saturday Evening Post» – лежит на журнальном столике. На улице дождь, в школе меня не любят. Но журнал не включишь, как телевизор. Его надо взять в руки, иначе он так и будет лежать на столе, не подавая признаков жизни. Журналы не проявляют активности без посторонней помощи.

И вот я беру журнал. Теперь надо расположить с максимальным комфортом все сто шестьдесят фунтов моей подростковой тушки в большом мягком кресле. Потом – пролистать свежий номер в поисках рассказа с привлекательным названием или иллюстрацией, за которую зацепится взгляд.

Пока не закончился золотой век американской журнальной беллетристики, иллюстраторам платили не меньше, чем авторам, чьи работы они иллюстрировали. Иллюстраторы были нередко не менее – в иной раз и более – знамениты, чем авторы. Норман Роквелл был их Микеланджело.

Пока я читаю рассказ, взгляд натывается на «окошки» с рекламой автомобилей, сигарет, кремов для рук и т. д. Именно рекламодатели, а не читатели по-настоящему оплачивают все эти роскошные публикации. И большое им за это спасибо. Дай бог им здоровья! Но чтение – это не просто забава. Тут надо как следует поработать мозгами! И я включаю мозги.

И это еще далеко не все. Мозги работают как заведенные, и я делаю практически невозможное – то, что вы, дорогие читатели, делаете сейчас. Я извлекаю смысл из специфических конструкций, расположенных горизонтальными линиями на отбеленной и раскатанной древесной пульпе и составленных только из двадцати шести фонетических знаков, десяти арабских цифр и приблизительно восьми знаков препинания!

И вот что я вам скажу: когда я читаю, мой пульс и дыхание замедляются. Все школьные печали и горести отступают на второй план. Я пребываю в блаженном парении где-то между сном и безмятежностью.

Понятно?

А потом, минут через десять – или сколько там нужно, чтобы до конца прочитать рассказ, – я выбираюсь из кресла и возвращаю журнал на столик, чтобы его прочитали другие.

Понятно?

А потом мой отец-архитектор приходит с работы или, вернее, с «безработы», поскольку узкоглазые желтожопые ублюдки еще не разбомбили Перл-Харбор. Я говорю папе, что прочитал рассказ, который может ему понравиться. Я говорю, чтобы он сел в большое удобное кресло, еще не остывшее после моей подростковой задницы.

Папа садится. Я вручаю ему журнал, открытый на том самом рассказе. Папа устал. Он в подавленном настроении. Он начинает читать. Его пульс и дыхание замедляются. Все его печали и горести отступают на второй план, и т. д.

Да! И о чем же, с твоей точки зрения, любезный читатель, говорит наш короткий домашний спектакль, правдивый и точно воспроизводивший реальную жизнь в 1930-х годах? Он говорит о том, что из всех развлекательных повествовательных жанров рассказ больше всего сходен с буддистскими техниками медитации – по своему физиологическому и психологическому воздействию на человека.

То есть истории, собранные в этом сборнике – как и в любом другом сборнике рассказов, – это как будто буддистские медитации, хоть и короткие, но зато освежающие периоды здорового сна.

Чтение большого романа, к примеру «Войны и мира», это совсем не похоже на сон. Читать длинный роман – все равно что всю жизнь прожить в браке с кем-то, кто никому, кроме тебя, не интересен. Как-то оно явно не освежает!

Да, разумеется, до телевизора у нас было радио. Но радио не захватывает целиком, не удерживает внимания, не управляет нашими чувствами и переживаниями – разве только во время войны. Радио не заставляет сидеть на месте. В отличие от печатного текста, спектаклей, кинофильмов и телетрансляций, радио не дает пищи нашим неугомонным глазам.

Слушайте: когда я, двадцатидвухлетний капрал, вернулся домой со Второй мировой войны, я не хотел быть писателем. Я женился на Джейн Мэри Кокс, в которую был влюблен с детства – теперь она на Небесах, – и поступил в аспирантуру на кафедру антропологии Чикагского университета. Хотя, опять же, я не хотел быть антропологом. Мне просто хотелось побольше узнать о человеческих существах. Я собирался стать журналистом!

С этой целью я устроился репортером в отдел криминальной хроники Чикагской городской службы новостей, которая в то время обеспечивала материалами все четыре чикагские ежедневные газеты. Это был как бы датчик последних событий – поскольку работники новостной службы денно и нощно рыскали по городу в поисках «свежачка», – и тренировочный полигон для начинающих журналистов. Получить работу в одной из крупных городских газет (не считая сакраментального «по знакомству») можно было лишь после того, как ты пройдешь испытание в городской службе новостей. Только так и никак иначе.

Но уже очень скоро стало понятно, что в ближайшие несколько лет в газетах Чикаго – и любого другого города – не предвидится никаких вакансий. Журналисты, вернувшиеся с войны, вполне обоснованно претендовали на свои прежние места, а женщины, которые их замещали, уходить не собирались. Они прекрасно работали. Зачем им было уходить?

А потом на кафедре антропологии зарубили мою магистерскую диссертацию, в которой я приводил доказательства, что существует очевидное сходство между художниками-кубистами, творившими в Париже в 1907 году, и вождями индейцев – и это сходство нельзя игнорировать. На кафедре мне заявили, что это непрофессиональный подход.

Судьба, сохранившая мне жизнь в Дрездене, медленно, но верно принялась лепить из меня беллетриста и неудачника, и так продолжалось, пока мне, черт возьми, не исполнилось сорок семь! Но сперва мне пришлось поработать в рекламном отделе компании «General Electric» в Скенектади, штат Нью-Йорк.

Моего непосредственного начальника в рекламном отделе GE звали Джордж. На двери своего кабинета Джордж наклеивал вырезанные из газет карикатуры, которые, по его мнению, были так или иначе связаны с компанией или со спецификой нашей работы. На одной из этих карикатур были изображены два человека в кабинете директора фабрики патефонных иголок. Судя по графику на стене, производительность фабрики опустилась практически до нуля. Один из парней говорил другому: «Дело не в качестве нашей продукции. Мы производим лучшие в мире патефонные иголки». Джордж повесил на дверь эту карикатуру, чтобышний раз подчеркнуть превосходство GE, которая выпускает замечательную продукцию, из-за которой многие другие компании чувствуют себя так, как будто они пытаются продавать патефонные иголки.

Бывший киноактер Рональд Рейган работал в «General Electric». В качестве разъездного пропагандиста компании он колесил по стране и живописал восхищенным слушателям ужасы социализма. Мы с ним так и не встретились, и я остался социалистом.

В 1950 году, когда мой будущий президент толкал речи на бесчисленных обедах в рамках предвыборных агитационных мероприятий, я начал писать рассказы – по ночам и на выходных. К тому времени у нас с Джейн было уже двое детей. Мы нуждались в деньгах, причем явно больших, чем моя зарплата в GE. А еще мне хотелось – ну, по возможности – поддержать свое чувство собственного достоинства.

В 1950 году спрос на рассказы был просто безумный. Так что они хорошо продавались. В то время у нас выходило четыре еженедельных журнала, и в каждом публиковалось как минимум по три рассказа на номер. И шесть ежемесячных журналов, в которых также публиковалось не меньше трех рассказов.

Я нашел себе литагента. Если я присылал ему рассказ, который, с его точки зрения, не пойдет у читателя, он мне подсказывал, что надо исправить. В те времена издатели и агенты могли посоветовать писателю, как отладить рассказ, как будто рассказ – это гоночная машина, а они сами – опытные автомеханики. С помощью моего лит-агента мне удалось продать один рассказ, второй, третий – и получить больше денег, чем мне платили в GE за год.

Я ушел из GE и засел за свой первый роман, «Механическое пианино». Это злая сатира на GE. Я укусил руку, меня кормившую. В книге было предсказано то, что и вправду случилось: машины – из-за своей эффективности, неутомимости и надежности, и к тому же дешевеющие день ото дня – отобрали у людей практически всю более-менее приличную работу.

Я перевез семью на Кейп-Код, сперва – в Провинстаун. Там я познакомился с Норманом Мейлером, моим ровесником. Норман, как и я, закончил университет, и воевал, и служил в пехоте – и уже прославился на весь мир своим потрясающим романом о Второй мировой войне «Нагие и мертвые». Я восхищался этим человеком. И восхищаюсь до сих пор. Он – выдающийся человек. Небожитель. Как и Жаклин Онассис. И Джо ДиМаджио. И Мухаммед Али. И Артур Миллер.

Из Провинстауна мы перебрались в Остервиль, тоже на Кейп-Коде. Но буквально через три года после того, как я уехал из Скенектади, начался массовый исход рекламодателей из журналов. Буддистские сны-медитации, выходящие из-под клавиш моей пишущей машинки, устарели и вышли из употребления, как патефонные иголки.

Один ежемесячный журнал, а именно «Cosmopolitan», который когда-то купил несколько моих рассказов, теперь превратился в откровенное руководство по сексу.

В том же 1953 году вышел роман Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту». Название книги – это температура, при которой воспламеняется и горит бумага. То есть для того, чтобы журнал или книга воспламенились, их нужно нагреть до 451° по Фаренгейту. Главный герой романа работает в пожарном депо, где сжигают печатные материалы. Больше никто не читает книг. Во многих самых обыкновенных домах – даже в старых развалюхах типа моего дома или дома

Рэя – есть комнаты с огромными с телеэкранами во все стену, причем на всех четырех стенах, и единственным стулом посередине.

Телепрограммы строились таким образом, что по ходу действия актеры и актрисы на всех четырех стенах обращались к человеку, сидящему на стуле в центре комнаты – даже если на стуле никто не сидит, – как к родственнику или другу. Жена человека, который жжет книги, очень несчастна. Ее муж зарабатывает не так много, и они могут позволить себе всего три экрана. И жена мучается от того, что не знает, что происходит на недостающем четвертом экране. Потому что, кроме актрис и актеров в этих больших телевизорах, ей никто больше не нужен. Это единственные существа, которых она любит. Которые ей безразличны.

Роман «451° по Фаренгейту» вышел в свет еще до того, как у нас дома – и у большинства наших соседей в Остервиле – появился первый телевизор. Не исключено, что и у самого Рэя Брэдбери тогда тоже не было телевизора. Может быть, у него до сих пор нет телевизора. И по сей день Рэй так и не научился водить машину и ненавидит летать самолетами.

Но как бы там ни было, Рэй оказался пророком. Точно так же, как люди с дисфункцией почек сейчас получают жизненно необходимую медицинскую помощь, американцы с дисфункцией общения – как та женщина в книге Рэя – получают недостающих друзей и родственников из телевизора. Причем круглосуточно!

Рэй ошибся с количеством телеэкранов, необходимых для успешной трансплантации близких людей. Достаточно одного маленького телевизора. Самое главное, чтобы актеры и актрисы, читающие новости, рекламирующие товары, играющие в мыльных операх и т. д., обращались к тому, кто сидит перед экраном – даже если перед экраном никто не сидит, – как к члену семьи.

«Ад – это другие люди», – сказал Жан-Поль Сартр. А надо было сказать чуть-чуть иначе: «Ад – это другие реальные люди».

Бороться с прогрессом бессмысленно, его все равно не поборешь. Самое лучшее, что можно сделать: просто не обращать на него внимания, пока он в конечном итоге не отберет у тебя средства к существованию, а заодно и самоуважение. В какой-то момент той же «General Electric» пришлось почувствовать себя заводом патефонных иголок, когда «Bell Labs» и некоторые другие компании скупили патентованные права на использование транзисторов, а сама GE продолжала гонять электроны в допотопных электронных лампах.

Однако в отличие от меня GE быстро оправилась от удара – такие могучие монстры выживают в любых обстоятельствах, – уволила несколько тысяч сотрудников и отравила реку Гудзон полихлорированными дифенилами.

К началу 1953 года у нас с Джейн было уже трое детей. Я устроился учителем английского в среднюю школу на Кейп-Коде. Потом сочинял тексты рекламных листовок в одном бостонском агентстве промышленной рекламы. И написал два романа, которые были изданы в мягких обложках. «Сирены титана» и «Мать Тьма». Критики их не заметили. Денег за каждый роман я получил ровно столько, сколько мне в свое время платили за один рассказ.

Я пытался продавать автомобили. Первые «саабы», поставлявшиеся в эту страну. Дверцы у них открывались «задом наперед», то есть навстречу воздушному потоку. За решеткой радиатора располагалась металлическая шторка, которая закрывалась и открывалась с помощью цепочки под приборной доской. Это было такое специальное приспособление, чтобы зимой двигатель не остывал. А чтобы его не заклинило, в бензин надо было всегда добавлять масло. В противном случае мотор превращался в бесполезный кусок руды. Один двигатель, который я лично вырубил из моторного отсека зубилом и кувалдой, был похож на метеорит!

Если машиной не пользовались больше суток, масло оседало на дне топливного бака, как кленовый сироп. Когда заводили мотор, всю округу окутывал черный дым. Однажды я сам задымил весь Вудс-холл. Я кашлял как черт и не мог понять, откуда там столько дыма.

Потом я устроился вести семинары по писательскому мастерству. Сначала – в университете Айовы, потом – в Гарварде, потом в Нью-Йоркском городском колледже. Джозеф Хеллер, автор «Уловки-22», тоже преподавал в Нью-Йоркском городском колледже. Как-то он мне сказал, что, если бы не война, он бы сейчас был приемщиком в какой-нибудь химчистке. На что я ответил, что, если бы не война, я бы сейчас был редактором рубрики «Сад и огород» в газете «The Indianapolis Star».

А теперь слушайте очень внимательно. Вот вам краткий начальный курс писательского мастерства:

1. Вас будут читать незнакомые люди, и ваша задача – сделать так, чтобы они не жалели о времени, потраченном на ваш рассказ.
2. Дайте читателю как минимум одного героя, за которого можно «болеть».
3. Каждый персонаж вашей истории должен к чему-то стремиться или чего-то хотеть, пусть даже всего лишь стакан воды.
4. Каждое предложение должно «работать»: либо раскрывать характер персонажа, либо продвигать действие.
5. Начинать надо как можно ближе к концу.
6. Не бойтесь проявить себя садистом. Какими бы невинными и славными ни были ваши главные герои, пусть с ними случаются всякие ужасы – чтобы читатель увидел, чего они стоят.
7. Пишите для удовольствия лишь одного человека. Если вы, образно выражаясь, распахнете окно и займетесь любовью со всем миром сразу, ваш рассказ рискует подхватить пневмонию.
8. Дайте читателям максимум информации – и по возможности сразу. Не надо держать их в неведении. Читатель не должен теряться в догадках. Он должен сразу понять, что происходит, где, когда и почему – чтобы он смог самостоятельно закончить рассказ, если тараканы сожрут последние страницы.

Величайший американский писатель, или, вернее, писательница, моего поколения, подлинный мастер рассказа – это Фланнери О'Коннор (1925–1964). Она нарушила практически все эти правила, кроме самого первого. Великие писатели вообще имеют привычку нарушать правила.

Я точно не знаю, нарушала ли Фланнери О'Коннор мое правило номер семь: «Пишите для удовольствия лишь одного человека». Этого мы никогда не узнаем – разве что Рай действительно существует, и госпожа О'Коннор сейчас на Небесах, и мы тоже туда попадем после смерти и сможем спросить ее лично.

Хотя я почти уверен, что она не нарушала седьмое правило. Покойный американский психиатр, доктор Эдмунд Берглер, утверждавший, что среди его пациентов было столько профессиональных писателей, сколько не было ни у кого из других «мозгоправов», писал в своей книге «Писатель и психоанализ», что большинство авторов, с которыми он имел дело, сочиняли свои произведения исключительно для удовольствия какого-то одного, как правило, близкого им человека – хотя они сами, может быть, этого не сознавали. И это вовсе не «профессиональная хитрость» писательского ремесла. Это естественное человеческое стремление, и даже если оно не влияет на качество литературного произведения, оно все равно будет присутствовать.

Доктор Берглер писал, что, для того чтобы его пациенты смогли понять, для кого именно они пишут, в большинстве случаев необходим тщательный психоанализ. Но как только я завершил эту книгу, а потом пару минут поразмыслил, я сразу понял, для кого я ее написал. Для моей сестры Элли. Я точно знаю, что ей могло бы понравиться, а что – нет. Я безжалостно вычеркнул все, что могло не понравиться Элли. А то, что могло бы ее порадовать, я оставил.

Элли теперь на небесах, вместе с моей первой женой Джейн, и Сэмом Лоуренсом, и Фланнери О'Коннор, и доктором Берглером, но я по-прежнему пишу для ее удовольствия. Элли любила смеяться. Она вообще была смешной. И поэтому я тоже хочу быть смешным. Мы с Элли были очень близки.

С моей точки зрения, история, написанная для какого-то конкретного человека, доставляет удовольствие читателям, потому что она создает ощущение сопричастности к действию. Даже если читатель этого не осознает, у него все равно появляется ощущение, что он невольно подслушивает увлекательный разговор двух незнакомых людей, скажем, за соседним столиком в ресторане.

Это не просто моя догадка. Так оно и происходит на самом деле.

И вот еще: читателям нравятся истории, написанные для какого-то одного человека, потому что читатели чувствуют, что у истории есть границы, как у спортивной площадки. Повествование не может идти куда вздумается. У него всегда есть четко заданное направление. Хороший рассказ – это всегда приглашение выйти на поле и включиться в игру вместе с автором. Куда заведет очередной поворот сюжета? Чем все закончится? Игра не по правилам! Безвыходное положение! Гол!

Помните мое правило номер восемь: «Дайте читателям максимум информации – и по возможности сразу»? Это нужно как раз для того, чтобы читатель как можно быстрее включился в игру. Кому, кроме профессиональных литературоведов, может понравиться повествование, в котором автор утаивает информацию, не давая читателю поиграть самому?

Границы спортивной площадки моих рассказов, а также романов – это границы души моей ныне покойной сестры. Так она продолжает жить.

Аминь.

Танасфера

(Перевод А. Аракелова)

В полдень, в среду, 26 июля, оконные стекла в горных городках округа Севьер, штат Теннесси, задребезжали от грохота далекого взрыва, что прокатился по северо-западным склонам Аппалачей. Взрыв прозвучал в районе тщательно охраняемого полигона ВВС, затерянного в лесу в десяти милях к северо-западу от Элкмонта.

Офицер ВВС по связям с общественностью высказался: «Без комментариев». Вечером того же дня двое астрономов-любителей – в Омахе, штат Небраска, и Гленвуде, штат Айова, – независимо друг от друга наблюдали движущуюся точку, пересекающую диск луны в 21:57. Газеты пестрели громкими заголовками.

Астрономы ведущих обсерваторий Северной Америки заявили, что не видели ничего. Они соврали.

Утром следующего дня расторопный корреспондент разыскал доктора Бернарда Грошингера, молодого ученого-ракетчика, работавшего на ВВС.

– Возможно ли такое, что эта точка была космическим кораблем? – спросил корреспондент.

Вопрос рассмешил доктора Грошингера.

– Я думаю, мы стали свидетелями нового приступа НЛО-мании. Только на этот раз всем мерещатся не летающие тарелки, а космические корабли между Землей и Луной. Можете заверить своих читателей: ни один корабль не сможет покинуть земные пределы еще как минимум двадцать лет.

Он тоже соврал.

Грошингер знал намного больше, чем сказал корреспонденту, но все-таки меньше, чем казалось ему самому. Например, он не верил в духов, и ему еще предстояло узнать о танасфере.

* * *

Доктор Грошингер взгромоздил длинные ноги на стол и проследил за тем, как его секретарша проводила разочарованного репортера к двери, у которой стояла вооруженная охрана. Он зажег сигарету и попытался расслабиться перед тем, как окунуться в душную и напряженную атмосферу командного пункта. «А ТЫ ЗАПЕР СЕЙФ?» – строго вопрошал плакат на стене, приколотый бдительным офицером безопасности. Плакат раздражал ученого. Офицеры безопасности, режим безопасности – все это лишь тормозило его работу, вынуждая думать о посторонних вещах, на которые у него попросту не было времени.

Секретные бумаги в сейфе не содержали никаких секретов. В них говорилось о том, что люди знали веками: по законам физики, тело, запущенное в направлении X со скоростью Y миль в час, опишет дугу Z. Грошингер подправил уравнение: по законам физики и при наличии миллиарда долларов.

Надвигающаяся война предоставила ему возможность провести эксперимент. Сама война была для него неприятным побочным фактором, военное начальство – раздражающей особенностью работы. Эксперимент – вот что самое главное, а все остальное – лишь частности.

«Главное, тут нет никаких неизвестных», – размышлял молодой ученый, находя утешение в непоколебимой надежности материального мира. Грошингер улыбнулся, представляя Христофора Колумба и его спутников, которые не знали, что их ждет впереди, и до смерти

страшились морских чудовищ, ими же и придуманных. Примерно так его современники относились к космическим исследованиям.

Так что эпоха предрассудков затянется еще как минимум на несколько лет.

Но человек в космическом корабле в двух тысячах миль от Земли не знал страха. Майор Аллен Райс, мрачный военный, вряд ли сможет сообщить что-то новое и интересное в своих донесениях. Разве что подтвердить то, что ученые и так уже знали о космосе.

Крупнейшие американские обсерватории, занятые в проекте, сообщили, что корабль движется вокруг Земли по заранее рассчитанной орбите с предсказанной скоростью. Скоро, может быть, уже в следующую секунду, радиоаппаратура командного пункта примет первое в истории сообщение из космического пространства. Оно будет передано на сверхвысокой частоте, на которой никто еще не принимал и не передавал сообщений.

Первое сообщение запаздывало, но это было предсказуемо. Неожиданностей быть не может, успокаивал себя доктор Грошингер. Машины – не люди – управляли полетом. Человек был просто наблюдателем, которого к намеченной цели вели непогрешимые электронные мозги, более мощные, чем его разум. Он мог управлять кораблем, но только после входа в атмосферу, когда и если они вернут его обратно. Корабль мог годами поддерживать жизнь пилота.

Даже человек на борту подобен машине, не без удовольствия подумал доктор Грошингер. Майор Аллен Райс: уравновешенный, быстрый, сильный, лишенный эмоций.

Психиатры, выбравшие Райса из сотни добровольцев, утверждали, что он будет функционировать так же безупречно, как ракетный двигатель, металлический корпус и электроника управления. Его особенности: крепкое телосложение, двадцать девять лет от роду, пятьдесят боевых вылетов за Вторую мировую – без каких-либо признаков усталости. Бездетный вдовец, интроверт, любитель одиночества, карьерный служака, целиком отдающийся работе.

Задание майора? Очень простое: докладывать о погодных условиях на вражеской территории и, в случае войны, сообщать о точности попадания управляемых ядерных ракет.

Сейчас майор Райс находился в двух тысячах миль над поверхностью Земли – это расстояние между Нью-Йорком и Солт-Лейк-Сити. Недостаточно высоко, чтобы можно было увидеть полярные шапки. Глядя в телескоп, Райс различал небольшие города и кильватерные следы кораблей. Видел, как надвигается ночь, как лик Земли омрачают облака и шторма.

Доктор Грошингер потушил сигарету, почти сразу же закурил снова и направился в небольшую лабораторию, забитую радиоаппаратурой.

Генерал-лейтенант Франклин Дейн, глава проекта «Циклоп», сидел рядом с радистом. На Дейне был мятый китель, ворот рубашки небрежно расстегнут. Генерал сверлил взглядом стоявший перед ним динамик. На полу валялись обертки от сэндвичей и окурки. На столе, перед Дейном и перед радистом, и у плетеного стула, на котором Грошингер провел в ожидании всю ночь, стояли бумажные стаканчики с кофе.

Генерал Дейн кивнул Грошингеру и жестом велел ему молчать.

– «Альфа Браво Фокстрот», вас вызывает «Дельта Эхо Чарли», – устало повторял позывные радист. – Как слышите? Прием. «Альфа Браво Фокстрот», ответьте. Как слы...

Динамик крякнул и загрохотал на полную мощность:

– Слышу вас. Я на связи. Прием.

Генерал Дейн вскочил на ноги и обнял Грошингера. Они хохотали, как идиоты, прыгали и хлопали друг друга по спине. Генерал выхватил микрофон у радиста:

– Слышим вас! Все идет по плану. Как ты там, сынок? Как самочувствие? Прием.

Грошингер, все еще обнимавший генерала за плечо, наклонился к динамику, почти прижимаясь к нему ухом. Радист уменьшил громкость.

Голос зазвучал вновь, тихий, осторожный. Этот тон обеспокоил Грошингера – он ожидал чеканной четкости, ясности, уверенности.

– Эта сторона Земли сейчас темная, очень темная. И у меня ощущение, как будто я падаю, как вы и предупреждали. Прием.

– Что-то еще? – обеспокоенно спросил генерал. – Ты как будто...

Майор оборвал его на полуслове:

– Вот! Вы слышали?

– «Альфа Bravo Фокстрот», мы ничего не слышим, – сказал генерал, озадаченно оглянувшись на Грошингера. – А что там такое? Помехи? Прием.

– Ребенок, – ответил майор. – Я слышу, как плачет ребенок. Неужели вы ничего не слышите? А сейчас... слышите?.. старик. Он пытается успокоить ребенка. – Голос майора теперь звучал глуше, словно тот отвернулся от микрофона.

– Чушь какая, это невозможно! – сказал Грошингер. – Проверьте оборудование, «Альфа Bravo Фокстрот», проверьте настройки. Прием.

– Они становятся громче. Голоса становятся громче. Мне трудно расслышать вас в общем шуме. Я как будто стою посреди толпы, и все пытаются привлечь мое внимание. Как будто... – Связь оборвалась. В динамике слышалось только какое-то шипение.

Передатчик майора был по-прежнему включен.

– Как слышите, «Альфа Bravo Фокстрот»? Прием! Как меня слышите? – кричал генерал Дейн.

Шипение прекратилось. Генерал и Грошингер таращились в черноту динамика.

– «Альфа Bravo Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли», – повторял радист. – «Альфа Bravo Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли»...

Грошингер лежал прямо в одежде на раскладушке, принесенной специально для него. Он прикрыл лицо газетой от слепящего света потолочных ламп. Каждые несколько минут он ерошил длинными тонкими пальцами свою спутанную шевелюру и тихо матерился. Его машина сработала безупречно – и продолжала работать. Подвел единственный элемент, сконструированный не им, – гребаный человек внутри машины. Разрушил весь эксперимент.

Целых шесть часов они пытались восстановить связь с ненормальным, который взирал на Землю со своей стальной луны и слышал голоса.

– Сэр, он вышел на связь, – сообщил радист. – «Альфа Bravo Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли», прием. «Альфа Bravo Фокстрот», ответьте «Дельте Эхо Чарли». Прием.

– Это «Альфа Bravo Фокстрот». Над зонами Семь, Одиннадцать, Девятнадцать и Двадцать Три безоблачно. Облачность в зонах Один, Три, Четыре, Пять и Шесть. Над зонами Восемь и Девять, кажется, формируется шторм. Двигается к юго-западу со скоростью восемнадцать миль в час. Прием.

– Он пришел в себя, – с облегчением выдохнул генерал.

Грошингер не шевельнулся. Его лицо по-прежнему было закрыто газетой.

– Спросите его про голоса, – сказал ученый.

– «Альфа Bravo Фокстрот», ты больше не слышишь голосов?

– Как же не слышу? Слышу лучше, чем вас. Прием.

– Он свихнулся, – сказал Грошингер, принимая вертикальное положение.

– Я все слышал, – сказал майор Райс. – Может, и так. Это легко проверить. Вам всего-навсего нужно выяснить, правда ли, что Эндрю Тобин умер в Эвансвилле, штат Индиана, 17 февраля 1927 года. Прием.

– Не понял вас, «Альфа Bravo Фокстрот», – сказал генерал. – Кто такой Эндрю Тобин? Прием.

– Это один из голосов. – Повисла неприятная пауза. Майор Райс кашлянул. – Утверждает, что его убил собственный брат.

Радист медленно поднялся со своего кресла, белый как мел. Грошингер силой усадил его обратно и взял микрофон у обмякшего генерала.

– Либо вы сошли с ума, либо это самый идиотский розыгрыш в истории, «Альфа Bravo Фокстрот». С вами говорит Грошингер, и вы еще тупее, чем я думал, если пытаетесь меня надуть. Прием.

– Я плохо вас слышу, «Дельта Эхо Чарли». Голоса становятся громче.

– Райс! Возьмите себя в руки! – рассвирепел Грошингер.

– А, вот. Я услышал: миссис Памела Риттер просит своего мужа снова жениться. Ради детей. Он живет...

– Прекратить!

– ...живет в доме 1577 по Деймон-Плейс, в городе Скотия, штат Нью-Йорк. Конец связи.

* * *

Генерал Дейн мягко сжал плечо Грошингера.

– Ты проспал пять часов. Уже полночь. – Генерал вручил молодому ученому бумажный стаканчик с кофе. – Были еще сообщения. Будешь слушать?

Грошингер отхлебнул кофе.

– Он все еще бредит?

– Он все еще слышит голоса, если ты об этом. – Генерал бросил Грошингеру две нераспечатанные телеграммы. – Я подумал, тебе захочется вскрыть их самому.

Грошингер рассмеялся.

– Вы что, решили проверить Скотию и Эвансвилль? Спаси Господи эту армию, если в ней все генералы такие же мнительные, как вы, друг мой.

– Ладно, ладно, ты у нас ученый, вот ты и думай. Потому я телеграммы для тебя и оставил. Прочти и объясни, что за хрень у нас тут творится.

Грошингер распечатал первую телеграмму.

ХАРВИ РИТТЕР ЖИВЕТ 1577 ДЕЙМОН ПЛЕЙС ЗПТ СКОТИЯ ТЧК
ИНЖЕНЕР ТЧК ВДОВЕЦ ТЧК ДВОЕ ДЕТЕЙ ТЧК УМЕРШУЮ ЖЕНУ
ЗВАЛИ ПАМЕЛА ТЧК НУЖНА ДОПОЛНИТ ИНФОРМАЦИЯ?
Р Б ФЕЙЛИ ЗПТ ШЕРИФ ПОЛИЦИЯ СКОТИИ ТЧК

Грошингер пожал плечами, отдал бумагу генералу Дейну и вскрыл второй пакет:

СОГЛАСНО АРХИВАМ ЭНДРЮ ТОБИН ПОГИБ НЕСЧАСТНОМ
СЛУЧАЕ ОХОТЕ 17 ФЕВРАЛЯ 1927 ГОДА ТЧК
БРАТ ПОЛ КРУПНЫЙ БИЗНЕСМЕН ЗПТ ВЛАДЕЕТ УГОЛЬНОЙ
ШАХТОЙ ЗПТ ОСНОВАННОЙ ЭНДРЮ ТЧК
СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ГОТОВ ПРЕДОСТАВИТЬ ДОПОЛНИТ
ИНФОРМАЦИЮ ТЧК
Ф Б ДЖОНСОН ШЕРИФ ПОЛИЦИИ ЭВАНСВИЛЛЯ

– Я не удивлен, – сказал Грошингер. – Я ждал чего-то подобного. Вы, полагаю, твердо уверены, что наш друг, майор Райс, обнаружил, будто околосреднее пространство населено призраками?

– Ну, я думаю, что он-то точно уверен, что кто-то там обитает, – осторожно ответил генерал.

Грошингер смял вторую телеграмму и швырнул ее в угол, промазав мимо корзины для бумаг на целый фут. Он сложил руки, как терпеливый проповедник – этот жест он использовал на лекциях у студентов-первокурсников.

– Друг мой, вначале у нас было два возможных объяснения: майор Райс либо сошел с ума, либо устроил грандиозную мистификацию. – Он размял пальцы, пока генерал переваривал вступление. – Теперь, когда мы знаем, что его сообщения касаются реальных людей, мы вынуждены признать, что это какая-то мистификация. Их имена и адреса майор выяснил до вылета. Бог знает, чего он хочет добиться. Бог знает, что мы можем сделать, чтобы его остановить. Думаю, это ваша проблема.

– Так он что, пытается сорвать проект? – нахмурился генерал. – Ну посмотрим, богом клянусь, еще посмотрим.

– Не спать, сержант, – генерал хлопнул по спине задремавшего радиста. – Вызывай Райса, пока он не откликнется, понял?

Радисту пришлось назвать свой позывной только раз.

– Это «Альфа Браво Фокстрот». Слышу вас, «Дельта Эхо Чарли». – Голос у майора был усталый.

– Это «Дельта Эхо Чарли», – сказал генерал Дейн. – Нас достали эти твои голоса. Как понял, «Альфа Браво Фокстрот»? Мы не хотим больше о них слышать. Мы раскусили твою маленькую игру. Я не знаю, что ты там задумал, но обещаю, что спущу тебя на Землю и упрячу в санаторий строгого режима с такой скоростью, что у тебя дух захватит. Мы поняли друг друга? – Генерал со злостью откусил кончик новой сигары. – Прием.

– Вы проверили те имена и адреса? Прием.

Генерал посмотрел на Грошингера, который нахмурился и покачал головой.

– Конечно. Только это ничего не доказывает. Ну, есть у тебя с собой список с именами и адресами. Что это доказывает? Прием.

– Так проверили, говорите? Прием.

– Я говорю, чтобы ты кончал с этой херней. Сейчас же. Забудь про голоса, ты понял? Давай переходи к погоде. Прием.

– Просветы над зонами Одиннадцать, Пятнадцать и Шестнадцать. Плотная облачность над зонами Один, Два и Три. Над остальными зонами небо чистое. Прием.

– Так-то лучше, «Альфа Браво Фокстрот», – сказал генерал. – Без этих голосов значительно лучше, правда? Прием.

– Тут какая-то старуха, говорит с немецким акцентом. Доктор Грошингер там? Мне кажется, она называет его имя. Просит не волноваться так из-за работы, не...

Грошингер перегнулся через радиста и вырубил приемник.

– Это самая подлейшая выдумка, какую я только слышал.

– Давай все-таки послушаем, – сказал генерал. – Ученый вы или нет?

Грошингер с вызовом глянул на генерала, включил приемник и отошел назад, скрестив руки на груди.

– ...говорит что-то по-немецки, – продолжал голос майора Райса. – Я не понимаю ее, могу только повторять, что слышу: *Аллес гебен ди гойтер, ди унендлихен, ирен либлинген, ганц, Алле...*

Грошингер выключил звук.

– Алле фрейден, ди унендлихен, алле шмерцен, ди унендлихен, ганц, – прошептал он. – Так оно оканчивается.

Он сел на раскладушку.

– Это любимое стихотворение моей матери. Что-то из Гете.

– Я могу еще раз его встряхнуть, – предложил генерал.

– Зачем? – Грошингер улыбнулся и пожал плечами. – Космос полон потусторонних голосов. – Он нервно хохотнул. – Придется править учебники по физике.

– Это знамение, сэр, знамение, – выпалил радист.

– С чего вдруг «знамение»? – спросил генерал. – Подумаешь, космос полон духов. Меня это не удивляет.

– Тогда вас уже ничто не удивит, – ответил Грошингер.

– Так точно. Хреновый был бы я генерал, если бы всему удивлялся. По мне, так Луна сделана из сыра. Подумаешь. Мне нужен человек, способный сообщить, попадают ли в цель мои снаряды. И плевать я хотел на то, что творится там в космосе.

– Сэр, как же вы не понимаете?! – не унимался радист. – Это знамение! Когда люди узнают об этих душах, они забудут о войне. Они вообще обо всем забудут, кроме духов.

– Расслабься, сержант, – сказал генерал. – Никто о них не узнает, ты понял?

– Такое открытие невозможно удержать в тайне, – возразил Грошингер.

– С чего это ты так уверен? Как ты собираешься рассказывать миру о голосах, не сообщая о полете в космос?

– У них есть право знать, – сказал радист.

– Если люди узнают, что мы запустили эту ракету, начнется Третья мировая. Скажи мне, ты этого хочешь? У врага не будет иного выхода, кроме как попытаться стереть нас в порошок, прежде чем мы сможем использовать майора Райса. И у нас тоже не будет иного выхода, кроме как попытаться стереть их в порошок. Ты этого хочешь?

– Нет, сэр, – сказал радист. – Не этого.

– Зато мы сможем провести серию экспериментов, – предложил Грошингер. – Узнать побольше об этих духах. Отправить Райса на более высокую орбиту, выяснить, слышны ли и там голоса, и какое...

– Только не на деньги ВВС, – оборвал его генерал Дейн. – Его туда не за этим отправили, мы не в игрушки играем. Он нужен нам на своем месте.

– Ладно, ладно, – согласился Грошингер.

– Давай послушаем, что он там говорит. Сержант, включить звук.

– Есть, сэр. – Радист принялся вертеть ручки. – Кажется, он молчит, сэр.

Шипение приемника сменилось гулом в динамике.

– Связь налажена. «Альфа Bravo Фокстрот», это «Дельта Эхо Чарли»...

– Кило Два Икс Виски Лима, это Виски Пять Зулу Зулу Кило из Далласа, – донеслось из динамика. Голос был выше, чем у майора Райса и имел характерный южный выговор.

Ему ответил бас:

– Это Кило Два Икс Виски Лима из Олбани. Отлично, W5ZZK, слышу вас отлично. Как меня слышите? Прием.

– Связь отличная, K2XWL, на шкале 25 гигагерц. Сейчас попробую подстроить...

Их прервал голос майора Райса.

– Плохо вас слышу, «Дельта Эхо Чарли». Голоса превратились в сплошной гул. Я успеваю ухватить лишь фрагменты. Грантленд Уитмэн, голливудский актер, кричит, что племянник Карл подделал его завещание. Он говорит...

– Повторите, K2XWL, – сказал южанин. – Я вас не расслышал. Прием.

– W5ZZK, я ничего не говорил. Так что там насчет Грантленда Уитмэна? Прием.

– Голоса угомонились, – продолжал майор Райс. – Остался только один. Вроде бы молодая женщина. Такой тихий голос, почти неслышимый. Не понимаю.

– Что происходит, K2XWL? Как слышите, K2XWL?

– Она называет мое имя. Вы слышали? Она зовет меня по имени, – сказал майор Райс.

– Черт подери, глуши частоту! – заорал генерал. – Включи свист или что там еще! Сделай что-нибудь!

Утренний поток машин перед университетским зданием на секунду превратился в сигналящую и ругающуюся пробку – доктор Грошингер, который возвращался в свой кабинет,

задумчиво пересек улицу на красный свет. Он удивленно огляделся, пробормотал какие-то извинения и поспешил дальше. Только что он в полном одиночестве позавтракал в круглосуточной забегаловке в полутора кварталах от университета и неспешно вернулся назад. Ученый надеялся, что часовая прогулка прояснит мозги, но чувство беспомощности и непонимания никуда не делось. Имеет мир право знать или нет?

Новых сообщений от майора Райса не поступало. Частота, согласно генеральскому приказу, глушилась. Теперь на частоте 25 000 мегагерц непрошенный наблюдатель услышал бы постоянный гул. Вскоре после полуночи генерал Дейн доложил обо всем в Вашингтон. Возможно, скоро придут распоряжения относительно майора Райса.

Грошингер остановился на освещенном солнцем пяточке недалеко от входа в здание и снова перечитал передовицу под броским заголовком «Загадочное радиосообщение раскрывает возможный подлог». В статье говорилось о двух радиолюбителях, которые баловались, совершенно незаконно, с предположительно неиспользуемыми ультракороткими волнами и, к своему удивлению, услышали, как кто-то говорит о голосах и завещании. Этих ребят не остановило то, что они нарушили закон, воспользовавшись незарегистрированной частотой, слишком горячая была новость.

Теперь радиолюбители всего мира будут паять приемники, чтобы тоже слушать эту частоту.

– Доброе утро, сэр. Погодка что надо, – приветствовал его сдавший дежурство охранник, веселый ирландец.

– Да, прекрасное утро, – согласился Грошингер. – На западе возможна облачность. – Он подумал, что бы сказал охранник, узнай он всю правду. Наверное, рассмеялся бы.

Когда он вошел в кабинет, секретарша вытирала пыль со стола.

– Вам бы поспать не мешало, – сказала она. – Вы, мужчины, совершенно о себе не заботитесь. Вот будь у вас жена...

– Я в жизни не чувствовал себя лучше, – ответил Грошингер. – Есть новости от генерала Дейна?

– Он искал вас минут десять назад. Полтора часа проговорил с Вашингтоном. Сейчас пошел к радистам.

Она имела очень приблизительное представление о сути проекта. Грошингер снова подавил порыв рассказать ей про майора Райса и голоса, чтобы увидеть, какой эффект это произведет на кого-то еще. Может, его секретарша воспримет новость так же, как и он, – пожмет плечами? Может, таков дух новой эры, эры атомной, водородной и бог-еще-знает-какой бомбы, – ничему не удивляться? Наука дала людям мощь, достаточную для уничтожения своей планеты, а политика предоставила им твердую гарантию, что эта мощь найдет себе применение. После такого удивление вышло из моды. Но доказательство существования потустороннего мира станет, наверное, сравнимым шоком. Возможно, миру нужна именно такая встряска, чтобы сойти с самоубийственного исторического пути.

Генерал Дейн устало поприветствовал вошедшего в командный пункт Грошингера.

– Будем его сажать, – сказал он. – Больше мы ничего сделать не можем. Все равно пользы с него – ноль.

Динамик монотонно гудел на малой громкости. Это работала глушилка. Радист заснул прямо за столом, положив голову на руки.

– Вы пытались с ним связаться?

– Дважды. Он окончательно съехал с катушек. Я пытался сказать ему, чтобы сменил частоту, чтобы передавал сообщения кодовыми словами, но он бубнил, что не слышит меня, постоянно упоминал женский голос.

– Что за женщина?

Генерал как-то странно посмотрел на Грошингера.

– Говорит, что жена. Маргарет. Думаю, это любого выбило бы из колеи. А мы тоже, умники... выбрали парня без семьи. – Он встал и потянулся. – Отойду на минуту. И не вздумай трогать аппаратуру.

Дверь за генералом захлопнулась.

Шум разбудил радиста.

– Они готовят посадку.

– Я знаю, – сказал Грошингер.

– Это убьет его, да?

– После входа в атмосферу он сможет управлять кораблем.

– Если захочет...

– Вот именно – если захочет. ЦУП включит тормозные двигатели и сведет корабль с орбиты. Дальше все в руках Райса. Он должен принять управление и совершить посадку.

Повисло молчание. В комнате раздавался только приглушенный гул динамика.

– Он не захочет жить, понимаете? – внезапно выпалил радист. – Вы бы на его месте захотели?

– Я не уверен, что это можно понять, не испытав самому, – ответил Грошингер. Он пытался представить мир будущего. Мир, находящийся в постоянном контакте с духами, где нет разделения на живых и мертвых. Это обязательно случится. Другие люди, исследователи космоса, откроют миру эту дорогу. Превратится он в рай или ад? Придурки и гении, преступники и герои, обычные люди и безумцы, все они навечно останутся частью единого человечества – со своими советами, обидами, коварством и уговорами.

Радист опасливо оглянулся на дверь.

– Хотите послушать его?

Грошингер покачал головой.

– Сейчас все слушают эту частоту. У нас будут большие проблемы, если выключить глушилку.

Он не хотел снова слышать майора. Он был обескуражен, раздавлен. Смерть, лишенная тайны, – что она даст человечеству? Подтолкнет его к самоубийству или подарит новую надежду? Отвернутся ли живые от своих правителей, обратившись за советом к мертвецам? К Цезарю, Карлу Великому, Петру I, Наполеону, Бисмарку, Линкольну, Рузвельту? К Иисусу Христу? Стали ли мертвые мудрее своих...

Прежде чем Грошингер успел что-то предпринять, сержант выключил передатчик, глушивший частоту.

Голос майора Райса мгновенно заполнил комнату, громкий, завораживающий.

– ...тысячи, их тысячи. Они повсюду. Висят в пустоте, переливаясь, как северное сияние, чудный, восхитительный туман, окутывающий Землю. Я вижу их, слышите? Теперь я их вижу. Я вижу Маргарет. Она машет мне и улыбается, туманная, божественно красивая. Если бы вы это видели, если бы...

Радист снова включил глушилку. В коридоре послышались шаги.

В комнату вошел генерал Дейн. Он смотрел на часы.

– Через пять минут корабль пойдет на посадку. – Он засунул руки в карманы и весь как-то сник. – В этот раз мы потерпели неудачу. Богом клянусь, в следующий раз мы сделаем все как надо. Человек, который отправится туда в следующий раз, будет знать, с чем имеет дело. Он будет готов к этому.

Генерал приобнял Грошингера за плечи.

– Тебе предстоит самая ответственная в твоей жизни работа, друг мой, – не болтать насчет всех этих духов, ты понял? Нам не нужно, чтобы враг узнал о нашем космическом корабле, и нам не нужно, чтобы они знали, с чем столкнутся, если попробуют сами запустить

ракету. Безопасность этой страны зависит от нашей способности хранить секреты. Я ясно выразился?

– Да, сэр, – ответил Грошингер, благодарный за избавление от проблемы выбора.

Он не хотел оказаться человеком, который поведаст миру эту новость. Лучше бы он вообще не имел никакого отношения к запуску Райса в космос. Грошингер не знал, как повлияет на человечество контакт с мертвецами, но влияние это будет ошеломительным. Теперь же, как и все другие, он просто будет ждать следующего витка этой истории.

Генерал вновь посмотрел на часы.

– Корабль сошел с орбиты.

В пятницу, 28 июля, в 13:39 британский лайнер «Каприкорн», направлявшийся в Ливерпуль и находившийся в 280 милях от Нью-Йорка, сообщил о водяном столбе на горизонте по правому борту. Некоторые пассажиры утверждали, что видели некий блестящий объект, упавший с неба. Подойдя к месту падения, экипаж «Каприкорна» обнаружил убитую и оглушенную рыбу, вспененную воду, но никаких обломков.

Газеты предположили, что с «Каприкорна» видели неудачные испытания экспериментальной ракеты.

В Бостоне доктор Бернارد Грошингер, молодой ученый-ракетчик, работавший на ВВС, заявил, что феномен, наблюдавшийся с борта «Каприкорна», вполне мог быть падением метеора.

– Такое очень даже вероятно, – сказал он. – Тот факт, что объект достиг поверхности Земли, станет, я думаю, одним из самых громких научных событий года. Обычно метеоры полностью сгорают, не успев долететь даже до стратосферы.

– Простите, сэр, – прервал его репортер. – А что лежит за стратосферой? В смысле, есть ли у этого пространства название?

– Знаете, сам термин «стратосфера» не слишком строгий. Это просто наружный слой атмосферы. Невозможно определенно сказать, где он кончается. А за ним... можно сказать, мертвая зона.

– Мертвая зона? Так и называется? – заинтересовался репортер.

– Ну, если вам нужно что-то позагадочнее, можем перевести название на греческий, – с улыбкой предложил Грошингер. – Танатос, по-гречески, кажется, смерть? Может быть, вместо «мертвой зоны» вы предпочтете термин «танасфера»? Оно имеет некий оттенок научности.

Репортер вежливо рассмеялся.

– Доктор Грошингер, когда в космос будет запущена первая ракета? – спросил другой корреспондент.

– Ребята, вы читаете слишком много комиксов, – ответил Грошингер. – Спросите об этом лет через двадцать, и тогда, может, мне будет что вам сказать.

Мнемотехника

(Перевод Т. Покидаевой)

Альфред Мурхед небрежно швырнул отчет в лоток с исходящими документами и улыбнулся при мысли, что сумел сверить все данные, не обращаясь к справочникам и записям. Еще полтора месяца назад он бы так точно не смог. Но теперь, по окончании корпоративных курсов по развитию и тренировке памяти, имена, факты и цифры запоминались на раз. Цеплялись к мозгам, как репей – к эрдельтерьеру. На самом деле эти двухдневные курсы косвенным образом помогли разрешить почти все проблемы и сложности в его, в общем-то, и не особенно сложной жизни. Все, кроме одной: его неспособности подступиться к Эллиен, красавице-секретарше, по которой он молча страдал два года.

– Мнемотехника – это система специальных приемов, служащих для облегчения запоминания, – начал свои объяснения инструктор, – что достигается прежде всего путем образования искусственных ассоциаций. В мнемотехнике мы используем две элементарные психологические аксиомы: то, что нам интересно, мы помним дольше, чем то, что нам неинтересно, и визуальные образы, то есть картинки, запоминаются лучше, чем «голые» факты. Я сейчас поясню на примере. И нашим подопытным кроликом будет мистер Мурхед.

Инструктор зачитал совершенно бессмысленный набор слов:

– Дым, дуб, седан, бутылка, иволга, – и попросил Альфреда их запомнить. Альфред смущенно заерзал на стуле. Инструктор продолжил рассказ о приемах запоминания, а потом ткнул пальцем в Альфреда.

– Мистер Мурхед, повторите мой список слов.

– Дым, иволга... э... – Альфред пожал плечами.

– Не огорчайтесь. Это совершенно нормально, – сказал инструктор. – А теперь мы попробуем немного помочь вашей памяти. Попробуем создать мысленную картинку, представить себе что-то приятное – что-то, что нам хотелось бы запомнить. Дым, дуб, седан... мне представляется человек... мужчина... он отдыхает в тени под дубом. Он курит трубку, а чуть поодаль, на заднем плане, стоит его автомобиль, желтый седан. Вы видите эту картинку, мистер Мурхед?

– Э... да. – Альфред представил себе человека под дубом.

– Хорошо. Теперь что касается «бутылки» и «иволги». На траве рядом с мужчиной стоит бутылка с холодным кофе, а на ветке дуба поет иволга. Думаю, эта картинка запомнится нам без труда. А вы как считаете?

Альфред неуверенно кивнул.

Инструктор принялся рассказывать о чем-то другом, а потом вновь прервался и попросил Альфреда повторить список слов.

– Дым, седан, бутылка... э... – Альфред смотрел в сторону, чтобы не встретиться взглядом с инструктором.

Когда смех в классе стих, инструктор сказал:

– Вы, наверное, решили, что мистер Мурхед только что доказал нам полную несостоятельность мнемотехники. А вот и нет! Он подвел нас к еще одному важному пункту. Ассоциативные образы, которые помогают нам запоминать, – это дело сугубо индивидуальное. У каждого человека они свои. Разумеется, мы с мистером Мурхедом – два совершенно разных человека. И я не должен был навязывать ему мой ассоциативный ряд. Я повторю список слов еще раз, мистер Мурхед, и теперь я хочу, чтобы вы представили свою собственную картинку.

В конце занятия инструктор вновь «вызвал» Альфреда. Альфред выпалил все слова одним духом, как будто читал алфавит.

Это была замечательная методика, размышлял Альфред. Настолько хорошая, что он теперь до конца своих дней не забудет этот бессмысленный набор слов. Картинка по-прежнему стояла перед глазами, как наяву: они с Ритой Хейворт лежат на траве под огромным раскидистым дубом и курят одну сигарету на двоих. У них с собой есть бутылка отменного вина. Альфред наполняет Ритин бокал, и пока она пьет, пролетающая мимо иволга задевает крылом ее щеку. А потом они с Ритой целуются. А что касается «седана» – седан он пока одолжил Али Хану.

Его новые способности вознаградились мгновенно и щедро. Он получил повышение по службе. Вне всяких сомнений, благодаря своей натренированной памяти, в которой вся информация теперь сохранялась надежнее, чем записи в картотеке. Начальник Альфреда, Ральф Л. Триллер, сказал:

– Мурхед, я и не знал, что человек может так измениться за какую-то пару недель. Это феноменально!

Счастью Альфреда не было предела – за исключением его удручающих отношений с Эллен. Его память работала, как мышеловка, но он по-прежнему впадал в ступор при одной только мысли о том, как заговорить о любви с невозмутимой красавицей-секретаршей.

Альфред вздохнул и пододвинул к себе стопку счетов. Первый счет предназначался для Давенпортской фабрики сварочного оборудования. Альфред закрыл глаза, и перед мысленным взором возникла живая картина. Он сам составил ее два дня назад, получив особые инструкции от мистера Триллера. Два антикварных стола-давенпорта стоят друг против друга. На одном возлежит Лана Тернер в облегающей леопардовой шкуре. На другом – Джейн Рассел в саронге из телеграмм. Обе шлют Альфреду воздушные поцелуи, но уже через пару секунд он отрывает от них жадный взгляд и позволяет картинке исчезнуть.

Он написал Эллен коротенькую записку: «Пожалуйста, будьте внимательнее, выставляя счета. Не перепутайте Давенпортскую фабрику сварочного оборудования с Давенпортским кабельным заводом». Еще полтора месяца назад он бы точно выпустил это из виду. «Я люблю вас», – добавил он, а потом тщательно зачеркал это признание длинным прямоугольником сплошных черных чернил.

В каком-то смысле хорошая память добавила Альфреду головной боли. Теперь, когда отпала необходимость рыться в картотеках, у него появилась куча свободного времени, которое он тратил на тихие страдания по Эллен. Самые яркие переживания Альфред испытывал не наяву, а в фантазиях – и так было всегда, еще до занятий на курсах по улучшению памяти. И в самых «вкусных» его фантазиях неизменно присутствовала Эллен. Если он скажет ей о своих чувствах и она даст ему от ворот поворот – а скорее всего, так и будет, – она уже никогда не появится в его фантазиях, и он потеряет ее навсегда. Альфред не хотел рисковать.

Зазвонил телефон.

– Это мистер Триллер, – сказала Эллен.

– Мурхед, – сказал мистер Триллер, – у меня тут завал. Похоже, один я заруюсь. Поможешь?

– Конечно, шеф. Что надо делать?

– Ты возьми карандаш.

– А мне он зачем? – удивился Альфред.

– Нет уж, возьми, – сурово проговорил мистер Триллер. – Мне будет спокойнее, если ты все запишешь. Я и сам уже путаюсь в этих цифрах.

Чернила в Альфредовой ручке давно засохли, а чтобы взять карандаш, надо было встать из-за стола, и поэтому Альфред соврал:

– Ладно, я взял чем записывать. Диктуйте.

– Во-первых, мы сейчас заключаем договора на субподряды по крупным военным заказам, для обозначения которых будем использовать новую серию кодовых номеров. Все они начинаются с 16-А. Нужно немедленно разослать телеграммы по всем нашим заводам.

Перед мысленным взором Альфреда предстала Ава Гарднер, производящая сложные манипуляции с винтовкой. На ее свитере было вышито «16-А».

– Ясно, шеф.

– И у меня тут директива от...

Спустя четверть часа изрядно вспотевший Альфред в сорок третий раз проговорил: «Ясно, шеф» – и повесил трубку. Перед его мысленным взором растянулась процессия, по сравнению с которой даже самые безумные фантазии Сесилия Б. Де Миля показались бы пресными и не стоящими внимания. Все знаменитые кинодивы, которых только знал Альфред, выстроились перед ним, и каждая держала в руках что-то такое, или была одета во что-то такое, или сидела верхом на чем-то таком, за что Альфреда сразу выгнали бы с работы, если бы он это забыл. Картина была грандиозная, и она требовала полной сосредоточенности. Если бы Альфред отвлекся хоть на секунду, все бы рассыпалось вмиг. Нужно было немедленно все записать, пока не случилось трагедии. Нужно срочно взять ручку и лист бумаги. Альфред прошел через комнату, как охотник, крадущийся за дичью, – стремительно и бесшумно. Даже немного пригнувшись.

– Мистер Мурхед, вы хорошо себя чувствуете? – встревоженно спросила Эллен.

– Мм-м. Мм-м, – промычал Альфред, нахмурившись.

Он схватил карандаш и блокнот и только тогда сделал выдох. Картинка уже начинала тускнеть, но пока что держалась. Альфред рассматривал женщин одну за другой, записывал всю информацию, которую они ему передавали, и позволял им исчезнуть.

Ближе к концу, когда их число сократилось, он немного замедлил темп, чтобы насладиться соблазнительным зрелищем. Вот Энн Шеридан, предпоследняя в очереди, подъехала к нему верхом на необъезженном мустанге и легонько стукнула по лбу электрической лампочкой, напомнив Альфреду фамилию главного доверенного лица из компании «Дженерал электрик». Мистер Бронко. Энн зарделась под пристальным взглядом Альфреда, спешила и исчезла.

И вот осталась одна, последняя. Она стояла перед ним, держа в руках стопку бумаг. Альфред смотрел на нее в замешательстве. Бумаги явно должны были что-то ему подсказать, но на этот раз память его подвела. Альфред шагнул вперед и привлек красотку к себе.

– Ну, рассказывай, малышка. Что у тебя на уме? – прошептал он.

– Ах, мистер Мурхед, – вздохнула Эллен.

– О господи! – Альфред разжал объятия. – Эллен... прошу прощения. Я забылся.

– Слава богу, вы все-таки вспомнили обо мне.

Любое разумное предложение

(Перевод И. Дорониной)

Несколько дней назад, как раз перед тем как отправиться сюда, в Ньюпорт, на отдых, хоть я и был на мели, мне пришло в голову, что нет другой такой профессии – или аферы, если угодно, называйте как хотите, – в которой получаешь от клиентов столько тумачков, сколько получает их торговец недвижимостью. Если ты стоишь на месте, тебя охаживают дубиной. Если убегаешь – стреляют вслед.

Разве что у дантистов еще более суровые отношения с клиентами, хотя я в этом сомневаюсь. Окажись человек перед выбором, с чем расстаться: с зубом или с комиссионными агенту по продаже недвижимости, он наверняка предпочтет щипцы и новокаин.

Взять хотя бы Делаханты. Две недели назад Деннис Делаханты нанял меня продать его дом, он просил за него двадцать тысяч.

В тот же день я повез предполагаемого покупателя осмотреть его. Обойдя дом, покупатель сказал, что тот ему нравится и он готов его купить. И в тот же вечер заключил сделку. Напрямую с Делаханты. У меня за спиной.

Тогда я послал Делаханты счет на мои комиссионные – пять процентов от суммы сделки, то есть тысяча долларов.

– Да кто вы такой? – пожелал он узнать. – Знаменитая кинозвезда?

– Вы с самого начала знали, какой процент составят мои комиссионные.

– Конечно, знал. Но вы проработали какой-нибудь час. Тысяча баксов за один час?! То есть сорок тысяч в неделю, два миллиона в год! Я все подсчитал!

– Ага, а в иной год я зарабатываю по десять миллионов, – съязвил я.

– Я работаю шесть дней в неделю, пятьдесят недель в год и, оказывается, должен заплатить вам тысячу долларов за один час улыбочек, пустой болтовни и пинту бензина? Я пожалуюсь своему конгрессмену. Если это законно, значит, черт возьми, закон надо изменить.

– Он и мой конгрессмен тоже, – напомнил я, – и вы подписали договор. Вы его хоть читали?

Он повесил трубку. Комиссионных я до сих пор не получил.

Старая миссис Хеллбрюннер позвонила сразу после Делаханты. Ее дом вот уже три года был выставлен на торги и представлял собой почти все, что осталось от семейного состояния Хеллбрюннеров. Двадцать семь комнат, девять ванн, бальный зал, малый рабочий кабинет, большой кабинет, музыкальный салон, солярий, башни с бойницами для стрелков из арбалета, фальшивый подъемный мост, ворота с опускающейся решеткой и высохший ров. Где-нибудь в подвале, полагаю, там имеются дыбы и виселицы для провинившейся челяди.

– Что-то тут не так, – сказала миссис Хеллбрюннер. – Мистер Делаханты продал свою страшенькую конфетную коробочку за один день и получил на четыре тысячи больше, чем заплатил за нее в свое время. Видит Бог, я прошу за свой дом всего четверть его стоимости с учетом переоценки.

– Понимаете ли, миссис Хеллбрюннер, для вашего дома нужен *специфический* покупатель, – ответил я, представляя себе такового разве что как сбежавшего из психушки маньяка. – Но рано или поздно он появится. Как говорится, на всякого покупателя есть свой дом, и на всякий дом – свой покупатель. В здешних краях не каждый день встретишь человека, который ищет дом ценой в сто тысяч долларов. Но, повторяю, рано или поздно...

– Когда мистер Делаханты стал вашим клиентом, вы тут же принялись за дело и заработали свои комиссионные, – сказала она. – Почему бы вам не потрудиться и на меня?

– Но в вашем случае придется проявить терпение. Не...

Она тоже повесила трубку, и тут на пороге офиса появился высокий седовласый джентльмен. Было в нем – а может, во мне – что-то такое, от чего хотелось тут же вскочить, стать по стойке «мирно» и втянуть отвисший живот.

– Дассэр! – отрапортовал я.

– Это ваше? – спросил он, протягивая мне вырезанное из утренней газеты объявление. Он держал газетную вырезку так, словно возвращал мне грязный носовой платок, выпавший у меня из кармана.

– Дассэр! Мое, так точно! Речь идет об имении Хёртли.

– Да, Пэм, это здесь, – сказал он, обернувшись назад, и к нему присоединилась высокая, строго одетая женщина. Смотрела она не на меня, а в какую-то воображаемую точку над моим левым плечом, как будто я был метрдотелем или каким-нибудь другим незначительным персонажем из obsługi.

– Может быть, вы хотели бы узнать, что они просят за имение, прежде чем осматривать его? – предположил я.

– Бассейн там в порядке? – спросила женщина.

– Да, мэм. Всего два года как построен.

– А конюшни? – поинтересовался мужчина.

– Дассэр! Мистер Хёртли держит в них своих лошадей. Они свежепобелены, обработаны огнеупорными материалами и все такое. Он просит за имение восемьдесят пять тысяч, и это его окончательная цена.

Он скривил губы.

– Я упомянул о цене только потому, что некоторые покупатели... – начал было я.

– Мы что, похожи на других покупателей? – перебила меня женщина.

– Нет, разумеется, нет. – Они и впрямь не были похожи на других, и комиссионные в размере четырех тысяч двухсот пятидесяти долларов с каждой секундой представлялись мне все более реальными. – Я сейчас же позвоню мистеру Хёртли.

– Скажите ему, что полковник и миссис Брэдли Пекем интересуются его усадьбой.

Пекемы прибыли в такси, поэтому я повез их в усадьбу Хёртли в своем стареньком двухдверном седане, за который извинился, что, судя по выражению их лиц, было нелишне.

В их собственном лимузине, сообщили они мне по дороге, появился какой-то опасный скрип, поэтому пришлось поручить его заботам местного мастера, который поклялся своей репутацией, что устранил этот скрип.

– Чем вы теперь занимаетесь, полковник? – спросил я, чтобы завязать беседу.

Брови у него поползли вверх.

– Чем занимаюсь? Тем, что мне интересно. А в критические времена тем, в чем нуждается моя страна.

– В настоящий момент мой муж наводит порядок в государственной сталелитейной промышленности, – вставила миссис Пекем.

– Там творится что-то подозрительное, – сказал полковник, – но потихоньку разбираемся, разбираемся...

Мистер Хёртли лично вышел встретить гостей, в твидовом костюме, начищенных штиблетах и приподнятом настроении. Его семья пребывала в Европе. После того как я представил полковника с женой мистеру Хёртли, они больше не обращали на меня никакого внимания. Тем не менее им нужно было еще хорошенько постараться, чтобы моя гордость, стоившая в данном случае четыре тысячи долларов с хвостиком, почувствовала себя оскорбленной.

Я вел себя смиренно, как собака-поводырь или дорожная сумка, слушая лишь, как с легкой непринужденностью обменивались добродушными шутками покупатель и продавец восьмидесятипятилетней собственности.

Никаких мелочных вопросов о том, во что обходится отопление и содержание дома или налоги и нет ли сырости в подвале. Ничего подобного.

– Я так рада, что здесь есть оранжерея, – сказала миссис Пекем. – Я возлагала на этот дом большие надежды, но в объявлении об оранжерее ничего не было сказано, так что мне оставалось лишь молиться, чтобы она здесь оказалась.

«Никогда не следует недооценивать силу молитвы», – мысленно вставил я.

– Да, хорошо вы все здесь устроили, – сказал полковник. – Лично я больше всего рад тому, что бассейн у вас сделан на совесть, не то что эти лужи в бетонном корыте.

– Есть еще кое-что, что вам будет интересно узнать, – заметил Хёртли. – Вода в бассейне не хлорирована. Она обезвреживается ультрафиолетовыми лучами.

– Я очень на это надеялся, – признался полковник.

Хёртли довольно хмыкнул.

– А есть ли у вас лабиринт? – поинтересовалась миссис Пекем.

– Что вы имеете в виду? – не понял Хёртли.

– Лабиринт из декоративного кустарника. Они так живописны.

– Простите, вот этого нет, – ответил Хёртли, дергая себя за ус.

– Неважно, – примирительно сказал полковник. – Мы можем сами его устроить.

– Да, – согласилась его жена. – О господи, – пробормотала она вдруг, глаза у нее закатились, и, схватившись за сердце, она начала сползать на пол.

– Дорогая! – Полковник поймал ее за талию.

– Пожалуйста... – задыхаясь, прошептала она.

– Что-нибудь взбадривающее! – скомандовал полковник. – Бренди! Что угодно!

Нервно, Хёртли схватил графин и плеснул немного в стакан.

Жена полковника, почти не разжимая губ, с трудом влила в себя глоток, и щеки у нее чуть-чуть порозовели.

– Еще, дорогая? – спросил полковник.

– Капельку, – шепотом ответила она.

Когда стакан опустел, полковник понюхал его.

– О, какой отличный букет! – Он протянул стакан Хёртли, и тот снова наполнил его. – Первоклассный напиток, ей-богу! – произнес полковник, смакуя и вдыхая аромат. – М-м-м. Увы, все меньше остается людей, наделенных терпением, чтобы по-настоящему наслаждаться такими изысками. Большинство просто глотают, глотают, не распробовав, и продолжают свою безумную погоню неизвестно за чем.

– Верно подмечено, – согласился Хёртли.

– Тебе уже лучше, дорогая? – обратился к жене полковник.

– Намного. Ты же знаешь, как это у меня бывает: накатывает – потом проходит.

Полковник снял с полки книгу, посмотрел выходные данные – видимо, чтобы убедиться, что это первое издание, и сказал:

– Ну, мистер Хёртли, думаю, по нашим глазам вы видите, как нам понравилось это место. Кое-что мы бы, конечно, изменили, но в целом...

Хёртли взглянул на меня. Я откашлялся.

– Итак, как вы, должно быть, догадываетесь, есть несколько покупателей, весьма заинтересованных этим поместьем, – солгал я без зазрения совести. – Полагаю, если вам оно действительно нравится, следует как можно скорее оформить сделку.

– Вы же не собираетесь продать его *кому попало*, правда? – сказал полковник.

– Разумеется, нет! – солгал теперь уже Хёртли, стараясь вернуть себе кураж, немного подувядший во время эпизодов с лабиринтом и бренди.

– Ну, юридическую сторону дела можно будет уладить довольно быстро, когда придет время. Но сначала, с вашего позволения, мы хотели бы почувствовать дух этого места, изжить ощущение новизны.

– Да, конечно, безусловно, – сказал несколько озадаченный Хёртли.

– Ну, тогда, если не возражаете, мы немного погуляем вокруг, как будто это уже наш дом.

– Нет, то есть да, конечно, гуляйте, пожалуйста.

И Пекемы отправились на прогулку. Я остался нервничать в гостиной, а Хёртли заперся в кабинете. Всю середину дня они ходили по дому, кормили морковкой лошадей, рыхлили землю у корней растений в оранжерее, нежились на солнце возле бассейна.

Раза два я попытался к ним присоединиться, чтобы показать им то одно, то другое, но они реагировали на меня, как на назойливого дворецкого, и я сдался.

В четыре часа они попросили горничную подать чай и получили его – с маленькими пирожными. В пять Хёртли вышел из кабинета, обнаружил, что они все еще здесь, умело скрыл свое удивление и сделал всем коктейли.

Полковник сообщил, что всегда требует от *своей* прислуги натирать изнутри бокалы для мартини чесноком, и поинтересовался, есть ли поблизости хорошее поле для игры в поло.

Миссис Пекем затронула тему парковки автомобилей при большом съезде гостей и спросила, нет ли в здешнем воздухе чего-нибудь вредного для масляной живописи.

В семь Хёртли, подавляя зевоту, извинился и, сказав, чтобы Пекемы продолжали чувствовать себя как дома, отправился ужинать. В восемь, помелькав мимо ужинавшего Хёртли по пути туда-сюда, Пекемы объявили, что собираются уезжать, и попросили меня довезти их до лучшего городского ресторана.

– Как я понимаю, вы заинтересовались? – спросил я по дороге.

– Мы бы хотели кое-что обсудить, – ответил полковник. – Цена, разумеется, не проблема.

Мы дадим вам знать.

– Как мне связаться с вами, господин полковник?

– Я здесь на отдыхе и предпочитаю хранить свое местопребывание в тайне, если не возражаете. Я сам вам позвоню.

– Прекрасно.

– Скажите, а чем мистер Хёртли зарабатывает на жизнь? – поинтересовалась миссис Пекем.

– Он крупнейший в этой части штата торговец подержанными автомобилями.

– Ага! – сказал полковник. – Я так и знал! Вокруг поместья витает дух новых денег.

– Означает ли это, что вы передумали? – спросил я.

– Нет, не совсем. Просто нам нужно немного поразмыслить, чтобы понять, что с этим можно сделать – если можно.

– Не могли бы вы сказать мне конкретно, что именно вас не устраивает? – спросил я.

– Если вы сами этого не видите, – ответила миссис Пекем, – никто вам этого объяснить не сможет.

– О!

– Мы дадим вам знать, – повторил полковник.

Прошло три дня. Как обычно, я звонил Делаханте, и мне звонила миссис Хеллбрюнер, но от полковника Пекема и его супруги не было ни звука.

На четвертый день, когда я уже закрывал офис, позвонил Хёртли.

– Когда, черт побери, эти Пекемы уже дозреют? – воскликнул он.

– Бог его знает, – ответил я. – У меня нет возможности связаться с ними. Он сказал, что позвонит сам.

– Вы можете связаться с ними в любое время дня и ночи!

– Как?

– Просто позвонив мне. Они пасутся здесь последние три дня, «изживают ощущение новизны», видите ли. При этом они чертовски успешно изживают мои запасы спиртного, сигар и продуктов. Мне вычсть стоимость всего этого из ваших комиссионных?

– Если будут комиссионные.

– Вы хотите сказать, что сделка под вопросом? Он расхаживает тут повсюду с таким видом, как будто деньги лежат у него в кармане и он только ждет момента, чтобы мне их отдать.

– Ну, поскольку со мной он говорить не желает, может быть, вы на него надавите? Скажите ему, что я только что сообщил вам, будто некий ушедший на покой пивовар из Толедо предлагает семьдесят пять тысяч. Это должно заставить их действовать.

– Ладно. Только придется подождать, пока они наплаваются в бассейне и явятся пить коктейли.

– Позвоните мне, когда будет ясна их реакция, и я тут же явлюсь с нужными документами. Он позвонил через десять минут.

– Ну, умник, догадайтесь, что случилось.

– Он клюнул?

– Придется мне нанимать нового агента.

– О?

– Да, именно. Потому что я послушался совета предыдущего, и уже готовенький покупатель с женой удалились, гордо задрав носы.

– Не может быть! Но почему?

– Полковник и миссис Пекем велели вам передать, что их не может заинтересовать нечто, привлекательное для отставного пивовара из Толедо.

Поместье у него на самом деле было паршивое, поэтому я весело посмеялся и переключил внимание на более существенные дела, такие как дом миссис Хеллбрюннер. Я дал в газете набранное жирным шрифтом объявление, живописующее радости жизни в укрепленном замке.

На следующее утро, подняв голову от письменного стола, я увидел свое объявление, вырезанное из газеты, в длинных, с ухоженными ногтями, пальцах полковника Пекема.

– Это ваше?

– Доброе утро, полковник. Дассэр, так точно.

– Похоже, *это* – то, что нам нужно, *место именно для нас*, – послышался у него из-за спины голос миссис Пекем.

Миновав фальшивый подъемный мост, мы прошли под ржавой опускающейся решеткой и оказались в «месте именно для них».

Миссис Хеллбрюннер с первого взгляда прониклась к Пекемам симпатией. Хотя бы потому, что они были первыми – готов поклясться – за много поколений людьми, которых это место восхитило. Более того, они всячески дали понять, что готовы купить его.

– На его восстановление потребовалось бы около полумиллиона, – сказала миссис Хеллбрюннер.

– Да, – восхищенно произнес полковник, – теперь таких домов уже не строят.

– Ох! – задыхаясь, воскликнула миссис Пекем, и полковник поймал ее, падающую, у самого пола.

– Быстро! Бренди! Или хоть что-нибудь! – закричал полковник Пекем.

Когда я вез чету Пекемов обратно в центр города, они пребывали в чудесном настроении.

– Почему, черт возьми, вы не показали нам это место первым? – спросил полковник.
– Оно появилось на рынке только вчера, – соврал я, – и при той цене, какую за него просят, думаю, долго на нем не задержится.

Полковник сжал руку жены.

– Я тоже так думаю, дорогая, а ты?

Миссис Хеллбрюнер по-прежнему звонила мне каждый день, но теперь тон у нее был бодрый и довольный. Она докладывала, что Пекемы приезжают каждый день вскоре после полудня и что, судя по всему, с каждым визитом дом нравится им все больше.

– Я отношусь к ним совсем по-родственному, – сказала она с хитрецей.

– Отлично. Это то, что нужно.

– Я даже купила для него сигары.

– Продолжайте в том же духе. Это расходы, исключаемые из суммы, облагаемой налогом.

Четыре дня спустя она позвонила мне снова и сообщила, что Пекемы придут к ней на ужин.

– Почему бы вам, якобы случайно, не заглянуть тоже чуть позднее и, якобы случайно, не иметь при себе нужные документы?

– Они упоминали какие-нибудь цифры?

– Только мимоходом: удивительно, мол, что все это можно приобрести за сто тысяч.

Тем вечером после ужина я вошел в музыкальный салон миссис Хеллбрюнер и, поставив на пол портфель, сказал:

– Добрый вечер.

Сидя на банкетке для пианино, полковник взбалтывал лед у себя в стакане.

– Как *ваши дела*, миссис Хеллбрюнер? – поинтересовался я, хотя одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что дела – хуже некуда.

– Прекрасно, – ответила она осипшим голосом. – Полковник только что рассказывал интересные вещи. Государственный департамент посылает его в Бангкок распутывать какие-то там дела.

Полковник грустно пожал плечами.

– Еще раз послужить родине, на сей раз в гражданском статусе, – пояснил он.

– Мы отбываем завтра, – сказала миссис Пекем, – нужно еще закрыть наш дом в Филадельфии...

– И закончить со сталелитейной промышленностью, – добавил полковник.

– А потом они улетают в Бангкок, – дрожащим голосом закончила миссис Хеллбрюнер.

– Дело мужчин – работать, дело женщин – плакать, – изрекла миссис Пекем.

– Ага, – подтвердил я.

На следующий день телефон уже трезвонил, когда я еще только открывал офис.

Это была миссис Хеллбрюнер. Она визжала. От родственной расположенности к Пекемам не осталось и следа.

– Я *не верю*, что он едет в Бангкок, – бушевала она. – Все дело в цене. Он слишком благовоспитан, чтобы торговаться.

– А вы возьмете меньше?

До того момента она решительно настаивала на сумме сто тысяч.

– Меньше? – В ее голосе послышалась мольба. – Господи! Да я и пятьдесят возьму, чтобы избавиться от этого чудовища! – Она помолчала. – Сорок. Тридцать. Только продайте его!

Я отправил телеграмму полковнику, адресовав ее в Филадельфию, в Управление сталелитейной промышленности.

Ответа не последовало. Тогда я решил позвонить.

- Управление национальной сталелитейной промышленности, – ответил женский голос.
 - Полковника Пекема, пожалуйста.
 - Кого?
 - Пекема. Полковника Бредли Пекема. Который работает у вас.
 - У нас есть один Пекем, Би Си, в чертежном отделе.
 - А он входит в руководящий состав?
 - Не знаю, сэр. Спросите у него сами.
 - В трубке послышался щелчок – она перевела мой звонок на чертежный отдел.
 - Чертежный отдел, – ответил другой женский голос.
 - Этот джентльмен хочет поговорить с мистером Пекемом, – объяснила первая операторша, вклинившись в разговор.
 - С *полковником* Пекемом, – уточнил я.
 - Мистер Мелроуз, – крикнула вторая женщина, – Пекем уже вернулся?
 - Пекем! – рявкнул мистер Мелроуз. – Шевели задницей! К телефону!
 - На фоне общего гула я расслышал, как кто-то спросил:
 - Хорошо провел время?
 - Так себе, – издал ответил смутно знакомый голос. – Думаю, в следующий раз попробуем съездить в Ньюпорт. Из окна автобуса он выглядит неплохо.
 - Черт, как тебе удастся на свою зарплату отдыхать в таких фешенебельных местах?
 - Уметь надо. – Потом голос стал громким и страшно знакомым. – Пекем у телефона.
- Чертежный отдел.

Я опустил трубку на рычаг и ощутил жуткую усталость, осознав, что с конца войны не был в отпуске. Мне необходимо было на время уехать от всего этого, чтобы не сойти с ума. Но Делаханты еще не расплатился, поэтому у меня не было ни гроша.

А потом я вспомнил, что говорил полковник Бредли Пекем насчет Ньюпорта. Там продается множество симпатичных домов, прекрасно оборудованных, меблированных, набитых всякими запасами, с видом на море.

Вот этот, например: усадьба Ван Твила. В ней есть почти все: частный пляж и плавательный бассейн, поле для игры в поло, два травяных теннисных корта, гольфное поле на девять лунок, конюшни, выгон, французский шеф-повар, минимум три исключительно привлекательные горничные-ирландки, англичанин-дворецкий, подвал, набитый марочными винами...

И лабиринт, кстати, тоже есть, и вещь это небесполезная. Я каждый день брожу по нему. Потом приходит агент по недвижимости и в поисках меня теряется в нем как раз тогда, когда я нахожу выход. Поверьте, эта недвижимость стоит каждого цента из запрашиваемой за нее цены. Я не собираюсь торговаться ни минуты. Когда придет время, я либо куплю дом, либо уеду.

Но мне нужно немного пожить в нем – изжить ощущение новизны, – прежде чем я сообщу агенту о своем решении. А пока я прекрасно провожу время. Вот бы вам тоже сюда.

Упаковка

(Перевод И. Дорониной)

– Ну, Мод, каково? – сказал Эрл Фентон.

Он снял с плеча свою стереоскопическую камеру, сбросил пальто и положил то и другое на телерадиопроигрыватель.

– Мы совершаем полное кругосветное путешествие, возвращаемся, и уже через две минуты после того, как входим в свой новый дом, раздается телефонный звонок. Вот это цивилизация.

– Это вас, мистер Фентон, – доложила горничная.

– Эрл Фентон слушает... Кто?... Вы уверены, что вам нужен именно я? Есть еще *Брад* Фентон с бульвара Сан-Бонито... Да, правильно, учился. Выпуск тысяча девятьсот десятого года... Пойдите! Не может быть! Конечно, помню. Слушай, Чарли, к черту отель, ты – мой гость... Есть ли у нас комната? – Эрл прикрыл трубку ладонью и подмигнул жене: – Он хочет знать, есть ли у нас свободная комната! – Потом снова заговорил в трубку: – Послушай, Чарли, у нас есть комнаты, в которые я еще даже не заглядывал. Кроме шуток. Мы только что въехали – пяти минут не прошло... Нет-нет, все уже обустроено. Декоратор еще несколько недель назад меблировал дом наилучшим образом, прислуга работает как часы, так что все готово. Хватай такси, слышишь?... Нет, завод я продал в прошлом году. Дети выросли и живут отдельно – Эрл-младший врач, у него большой дом в Санта-Монике, Тед только что сдал экзамены на право заниматься адвокатской практикой и работает у своего дяди Джорджа... Да, а мы с Мод решили отойти от дел и пожить на заслуженном... Черт, да что мы по телефону-то разговариваем? Сейчас же приезжай сюда. У нас есть о чем поболтать!

Эрл повесил трубку и цокнул языком.

Мод в коридоре изучала панель управления электроприборами и механизмами.

– Не понимаю, какая из этих штуквин включает кондиционер, какая открывает гаражные ворота, какая окна...

– Позовем Лу Конверса, и он нам покажет, как все это работает, – сказал Эрл. Конверс был подрядчиком, который устанавливал всю эту замысловатую многоуровневую «технику для жизни», пока они путешествовали за границей.

Выражение лица у Эрла стало задумчивым, он подошел к венецианскому окну и стал смотреть на залитую калифорнийским солнцем вымощенную камнем террасу с оборудованным на ней грилем, на разводные ворота, ведущие на посыпанную щебнем подъездную аллею, на гараж с ласточкиным гнездом под крышей, флюгером наверху и двумя «кадиллаками» внутри.

– Черт возьми, Мод, я только что говорил с призраком, – произнес он.

– А? – откликнулась Мод. – Ага! Смотри: вот так открывается венецианское окно и опускается оконная сетка. С призраком? И кто же он?

– Фримен, Чарли Фримен. Человек из прошлого, Мод. Я сначала даже не поверил. Мы с ним состояли в одном студенческом братстве, и он был едва ли не самой важной фигурой во всем выпуске тысяча девятьсот десятого года. Спортивная звезда, редактор студенческой газеты, президент братства «Фи-Бета-Каппа».

– Бог ты мой! И он осчастливит своим визитом таких бедных маленьких людей, как мы?

Перед глазами у Эрла встала неприятная картина, которая много лет хранилась где-то на задворках памяти: Чарли Фримен, с изысканными манерами, одетый со вкусом, сидит за

столом, а Эрл, в официантской куртке, ставит перед ним тарелку. То, что Эрл радостно пригласил Чарли погостить, вышло у него автоматически – рефлекс человека, несмотря на весь свой жизненный успех оставшегося простым, дружелюбным рубахой-парнем, чем и гордился. Но теперь, когда он вспомнил их отношения в колледже, от перспективы приезда Чарли ему стало не по себе.

– Он был парнем из богатой семьи, – сказал Эрл. – Одним из тех, – в его голосе послышалась горечь, – у кого было все. Понимаешь?

– Ну, милый, ты ведь тоже не за дверью стоял, когда они напивались до поросычьего визга, – напомнила Мод.

– Это да... Но когда доходило до денег, моим уделом были официантская куртка и швабра.

Она посмотрела на него сочувственно, и это подвигло его до конца излить душу.

– Знаешь, Мод, для человека не проходит бесследно то, что он вынужден прислуживать своим сверстникам-приятелям, прибираться за ними, видеть, как они, шикарно одетые, с полными карманами денег, отправляются летом на какой-нибудь курорт, в то время как он должен работать, чтобы оплатить следующий год обучения. – Эрл сам удивился тому, насколько разволновали его эти воспоминания. – А они смотрят на тебя сверху вниз, словно с людьми, которым не поднесли богатство на серебряном блюде, что-то не так.

– Слушай, меня это просто бесит! – воскликнула Мод, возмущенно расправив плечи, словно хотела защитить Эрла от тех, кто унижал его в колледже. – Если этот великий Чарли Фримен так гнобил тебя в былые времена, зачем нам теперь принимать его у себя дома?

– Да черт с ним! Нужно простить и забыть, – хмуро отмахнулся Эрл. – Меня это больше не колышет. Похоже, ему хотелось встретиться, и я постарался вести себя так, как подобает доброму старому приятелю, несмотря ни на что.

– А чем занимается теперь высокородный и могущественный Фримен?

– Не знаю. Наверное, чем-нибудь важным. Он поступил на медицинский факультет, а я вернулся сюда, и мы как-то потеряли друг друга. – В порядке эксперимента Эрл нажал кнопку на стене. Из полуподвала послышалось приглушенное завывание и щелчки, это техника взяла на себя контроль за температурой, влажностью и чистотой окружавшей его атмосферы. – Но не думаю, что у Чарли есть что-нибудь лучше этого.

– А что конкретно плохого он тебе делал? – настаивала все еще возмущенная Мод.

Эрл отмахнулся. Никаких особых происшествий, о которых можно было рассказать Мод, не было. Такие люди, как Чарли Фримен, демонстративно не делали и не говорили ничего, что могло унижить Эрла, когда он обслуживал их в столовой. И тем не менее Эрл не сомневался, что они смотрели на него свысока, и мог поспорить, что, когда он не слышал, они говорили о нем и...

Эрл тряхнул головой, отгоняя мрачное настроение, и улыбнулся.

– Ну, мамочка, как насчет того, чтобы пропустить по рюмочке, а потом совершить экскурсию по дому? Если мне предстоит показывать его Чарли, лучше заранее узнать, как работают эти штучки-дрючки, а то он подумает, что старина Эрл в таком антураже чувствует себя не хозяином, а отставным швейцаром или официантом. Господи, опять телефон звонит! Вот они, плоды цивилизации.

– Мистер Фентон, это мистер Конверс, – доложила горничная.

– Привет, Лу, старый конокрад. А мы как раз осваиваем твое рукоделие. Нам с Мод впору снова поступать в колледж и изучать электротехническое дело, ха-ха... Что? Кто?.. Шутить! Они действительно хотят?.. Ну, этого, вероятно, следовало ожидать. Ладно, раз уж они так горят желанием, пусть приезжают. Мы с Мод объехали весь мир и спустя две минуты по возвращении чувствуем себя как на Центральном вокзале.

Повесив трубку, Эрл почесал затылок с наигранным удивлением и усталостью. На самом деле ему была приятна вся эта телефонная суэта, доказывавшая, что его жизнь – хоть позади и владение заводом, и дети, которых они вырастили и поставили на ноги, и кругосветное путешествие, – только начинается.

– Что теперь? – поинтересовалась Мод.

– А, это Конверс, говорит, что какой-то дурацкий журнал типа «все для дома» хочет сделать материал о нашем доме и сегодня пришлет съемочную группу.

– Как интересно!

– Да, наверное... Не знаю. Мне не хочется изображать на этих снимках набитое чучело. – Чтобы показать, насколько это для него неважно, он сменил тему: – Конечно, учитывая, сколько мы ей заплатили, иного и ожидать не следовало, но надо признать, что эта декораторша действительно все продумала. – Он открыл стенной шкаф рядом с дверью на террасу и извлек из него фартук, поварской колпак и асбестовые перчатки. – Ей-богу, Мод, выглядит шикарно. Глянь, что написано на фартуке.

– Очень мило, – сказала Мод и вслух прочла изречение, запечатленное на фартуке: «Не стреляйте в повара, он готовит как умеет». Ты – просто вылитый Оскар из «Уолдорфа»¹, Эрл. А теперь давай посмотрим на тебя в колпаке.

Эрл застенчиво улыбнулся и стал напяливать колпак.

– Вообще-то я точно не знаю, как все это надо носить. Чувствую себя марсианином.

– Для меня ты всегда выглядишь чудесно, и я не променяла бы тебя на сотню напыщенных Чарли Фрименов.

Рука в руке, они направились к грилю на террасе, каменному сооружению, которое издали можно было принять за небольшое почтовое отделение. Они поцеловались, как недавно целовались перед Великими пирамидами, Колизеем и Тадж-Махалом.

– Знаешь, Мод, – сказал Эрл, волнуясь так, что казалось: грудь его вот-вот разорвется, – когда-то я мечтал, чтобы мой старик был богат, чтобы такой дом, как этот, появился у нас сразу – бамс! – в ту минуту, как я закончу колледж и мы с тобой поженимся. Но тогда мы не смогли бы пережить нынешний момент, когда, оглядываясь назад, знаем, что благодаря Господу сами прошли каждый дюйм этого пути. Мы понимаем маленького человека, Мод, потому что сами когда-то были маленькими людьми. Ей-богу, никому из тех, кто родился с серебряной ложкой во рту, ни за какие деньги не дано это познать. Многие из наших спутников по круизу не желали смотреть на чудовищную нищету, царящую в Азии, чтобы не будоражить свою совесть. Но у нас с тобой, учитывая пройденный нами тяжкий путь, совесть, думаю, чиста, и мы могли смотреть на тамошних нищих и в некотором роде понимать их.

– Угу, – согласилась Мод.

Эрл пошевелил пальцами в толстых перчатках.

– И сегодня вечером я собираюсь приготовить для нас с тобой и Чарли стейки из филейной части толщиной с манхэттенский телефонный справочник, и, думаю, имею право сказать, что мы заслужили каждую унцию этого мяса.

– Мы еще даже вещи не разобрали.

– Ну и что? Я не чувствую усталости. У меня впереди еще куча дел, и чем скорее я за них примусь, тем больше успею сделать.

Эрл и Мод – Эрл все еще в поварском наряде – находились в гостиной, когда горничная проводила туда Чарли Фримена.

– Разрази меня гром, – воскликнул Эрл, – если это не Чарли!

¹ Имеется в виду Оскар Чики, метрдотель нью-йоркского отеля «Уолдорф-Астория», выпустивший поваренную книгу и объявивший себя автором рецепта знаменитого уолдорфского салата.

Чарли был все еще строен и имел статную осанку; если годы и коснулись его, то разве что проседью в густых волосах. И хоть на умном лице обозначились морщины, выражение его было по-прежнему уверенным и, как показалось Эрлу, немного насмешливым. В облике Чарли осталось так много от студенческих времен, что память об их тогдашних отношениях, дремавшая сорок лет, снова всколыхнулась в душе Эрла. Помимо собственной воли он почувствовал себя отвратительно подобострастным, неотесанным и подавленным. И единственной защитной реакцией, как в былые времена, были тщательно скрываемое озлобление и обещание, даваемое самому себе, что скоро настанет день, когда все решительно изменится.

– Давненько не виделись, Эрл, да? – сказал Чарли своим по-прежнему глубоким и сильным голосом. – Отлично выглядишь.

– Много воды утекло за сорок лет, – ответил Эрл, нервно водя пальцем по дорожной обивке дивана. Потом, спохватившись, вспомнил о Мод, которая стояла у него за спиной, напрягшись и поджав губы. – Ой, прости, Чарли, это моя жена Мод.

– Долго же мне пришлось ждать этого удовольствия, – сказал Чарли. – Мне кажется, что я давно знаком с вами, Эрл так много рассказывал о вас тогда, в колледже.

– Здравствуйте, как поживаете? – приветствовала его Мод.

– Гораздо лучше, чем имел основания ожидать полгода назад, – ответил Чарли. – Какой красивый дом! – Он положил руку на консоль телерадиопроеигрывателя. – Черт, а это что за штукавина?

– Это? – повторил Эрл. – ТЭВэ. А на что еще это похоже?

– ТЭВэ? – нахмурился Чарли. – А! Это от слова телевидение, да?

– Ты что, шутишь, Чарли?

– Ничуть. На свете более полутора миллиардов бедолаг, которые никогда ничего подобного не видели, и я один из них. К стеклянной части не опасно прикасаться?

– К экрану? – неловко рассмеялся Эрл. – Нет, черт возьми, давай.

– У мистера Фримена дома экран наверняка в пять раз больше этого, – с холодной улыбкой заметила Мод. – Видимо, он насмеяется над нами, не считая телевизор с таким маленьким экраном вообще телевизором.

– Ну, Чарли, – произнес Эрл, прерывая тишину, воцарившуюся после замечания Мод, – так чему мы обязаны честью твоего визита?

– Воспоминаниям о старых временах, – ответил Чарли. – Я случайно оказался в городе и вспом...

Чарли не успел закончить фразу, так как в гостиную вошла компания, состоявшая из Лу Конверса, фотографа журнала «Красивый дом», и хорошенькой молодой журналистки.

Фотограф, представившийся коротко – Слоткин, – тут же взял руководство на себя и на протяжении всего своего пребывания в доме пресекал любые разговоры и действия, не относящиеся к съемке.

– Ну и хитрый-умный у ваз упаков, – сказал он.

– Что? – в недоумении переспросил Эрл.

– Упаковка, – пояснила журналистка. – Видите ли, сюжет нашего материала будет состоять в том, что вы возвращаетесь из кругосветного путешествия, и дом ждет вас в полной «упаковке» – то есть в нем есть все, что может понадобиться человеку для полноценной жизни.

– А-а-а!

– Абсолютно верно, – сказал Лу Конверс, – в доме есть все, вплоть до забитого под завязку винного погреба и кладовки, полной деликатесов. Машины новейших марок. Всё – новейших марок, за исключением вин.

– Ага! Они – побеждают конкуртс, – догадался Слоткин.

– Он продал завод и ушел на покой, – объяснил Конверс.

– Мы с Мод решили, что можем теперь себя побаловать, – сказал Эрл. – Многие годы мы ограничивали себя во всем, вкладывая деньги в бизнес и все такое, поэтому, когда дети встали на ноги и подоспело предложение выгодно продать завод, мы подумали: почему бы не позволить себе небольшое безумство? Так и сделали: взяли и заказали все, о чем когда-либо мечтали.

Эрл бросил мимолетный взгляд на Чарли Фримена, который стоял в стороне, на его лице играла едва заметная улыбка, свидетельствующая о том, что он забавляется происходящим.

– Мы с Мод начинали с маленькой двухкомнатной квартирki в районе доков. Отметьте это в своем репортаже.

– Но мы любили друг друга, – вставила Мод.

– Да, – подхватил Эрл, – и мне не хотелось бы, чтобы кто-то подумал, будто я очередное напыщенное ничтожество, родившееся с мешком денег и кичащееся этим. Нет, господа! Это – окончание долгого и трудного пути. Так и запишите. Вот Чарли помнит меня по старым временам, когда я вынужден был вкалывать, чтобы заработать на учебу.

– Суровые были деньки для Эрла, – подтвердил Чарли.

Став центром внимания, Эрл почувствовал, как уверенность возвращается к нему, и появление Чарли в его жизни именно в этот момент представилось ему щедрым подарком судьбы, прекрасной возможностью свести счеты и избавиться от старых обид раз и навсегда.

– Отнюдь не работа делала их суровыми, – язвительно выпалил он.

Чарли удивила его неожиданная горячность.

– Тебе виднее, – сказал он. – Наверное, работа не была такой уж тяжелой. Столько времени прошло, я мог и запомнить.

– Я имею в виду, что тяжелей всего было видеть, как на тебя смотрят сверху вниз только потому, что ты не родился с серебряной ложкой во рту, – сказал Эрл.

– Эрл! – воскликнул Чарли, не веря своим ушам. – Болванов в нашем братстве, конечно, хватало, но ни один из них никогда не смотрел на тебя сверху вниз...

– Приготовицца снимацца, – сказал Слоткин. – Начинам з грилл: хлеб, салат и большой кровави кус мяса.

Горничная принесла из холодильника пятифунтовый оковалок говядины, и Эрл занес его над решеткой гриля.

– Поторопитесь, – сказал он с улыбкой, – я не могу целый день держать корову на вытянутых руках.

За улыбкой, однако, скрывалась обида на Чарли, так небрежно отмахнувшегося от его юношеских горестей.

– Держац! – скомандовал Слоткин. Сработала вспышка. – Корошо!

Вся компания перешла внутрь дома, где Эрл и Мод позировали едва ли не в каждой комнате, поливали какое-то растение в оранжерее, читали книжные новинки у камина в гостиной, открывали окна нажатием кнопок, разговаривали с горничной у пульта управления прачечной, обсуждали меню, выпивали, сидя за барной стойкой в танцевальном зале, распиливали доску в мастерской и смахивали пыль с Эрловой коллекции оружия в его кабинете.

И всегда где-то на заднем плане фигурировал Чарли Фримен, ничего не пропускавший и явно потешавшийся над тем, как Мод и Эрл демонстрировали свою упакованную благополучную жизнь. Под взглядом Чарли Эрл все больше нервничал, ему становилось неловко за всю эту демонстрацию, а Слоткин бранил его за фальшивую улыбку.

– Ей-богу, Мод, – сказал Эрл, утирая пот в хозяйской спальне, – если мне когда-нибудь придется снова начать работать – не дай бог, стучу по дереву, – я смогу наняться на телевидение в качестве актера-трансформатора. Хоть бы это уже был последний кадр. Чувствую себя как какой-то паршивый манекенчик.

Однако это чувство не помешало ему еще раз переодеться по команде Слоткина, на сей раз в смокинг. Слоткину требовалась картинка ужина при свечах. Шторы следовало задернуть – с помощью электрического привода, разумеется, – чтобы скрыть дневной пейзаж за окном.

– Ну, полагаю, Чарли вдоволь насладился зрелищем, – сказал Эрл, пристегивая воротник и морщась, так как пуговица не хотела влезать в петлю. – Надеюсь, оно его впечатлило, черт возьми. – Его голосу недоставало убежденности, и он с надеждой обернулся к Мод за подтверждением.

Она сидела за туалетным столиком, с безжалостным видом изучая свое отражение в зеркале и примеряя разные драгоценности.

– М-м-м? – промычала она.

– Я говорю: надеюсь, все это произвело впечатление на Чарли.

– *На него?* – безразлично переспросила она. – На мой взгляд, он *слишком* невозмутим. После того как он третировал тебя, заявиться к нам и демонстрировать светские манеры, улыбаться...

– Да, – вздохнул Эрл. – Черт возьми, в его присутствии я, бывало, чувствовал себя дешевой, и сейчас чувствую, когда он смотрит на нас так, словно мы выставляем себя напоказ вместо того, чтобы просто помочь журналистам делать свое дело. А ты слышала, что он ответил, когда я прямо заявил, что мне не нравилось в колледже?

– Он вел себя так, словно ты все это придумал, как будто это плод твоего воображения. Да, он, конечно, ловкач, но я не позволю ему разозлить меня, – сказала Мод. – Нынешний день начался как самый счастливый в нашей жизни, таким он и останется. А знаешь, что еще?

– Что? – Поддержанный Мод, Эрл почувствовал, как крепнет его моральный дух. Сам он не был так уж уверен, что Чарли в глубине души куражится над ними, а вот Мод была, и это ее бесило.

Понизив голос до шепота, она сказала:

– При всем его чувстве превосходства, при всех шуточках насчет нашего телевизора и тому подобном, мне кажется, что великий Чарли Фримен на мели. Ты видел его костюм – вблизи?

– Слоткин так подгонял все время, что у меня не было времени рассмотреть.

– Зато я рассмотрела, Эрл, будь уверен. Костюм поношенный, лоснится, а обшлага!.. Ты бы видел! Я бы со стыда умерла, если бы ты ходил в таком костюме.

Эрл насторожился. Он так сосредоточился на своих обидах, что ему и в голову не пришло: ведь состояние Чарли могло и поубавиться со студенческих лет.

– Может, это его любимый костюм, с которым он никак не хочет расстаться? – вымолвил он наконец. – У богачей бывают причуды такого рода.

– Ага! И еще любимая старая рубашка и пара любимых старых туфель.

– Поверить не могу, – пробормотал Эрл.

Отдернув занавеску, он посмотрел на чудесную террасу с грилем, возле которого Чарли Фримен непринужденно болтал с Конверсом, Слоткином и журналисткой. Манжеты на брюках Чарли, как с удивлением увидел Эрл, действительно были обтрепанными, а каблук туфли – стоптанными. Эрл нажал на кнопку, окно спальни плавно заскользило и открылось.

– Приятный городок, – говорил Чарли. – Я мог бы поселиться здесь, как и в любом другом месте, поскольку у меня нет особых причин жить в какой-то определенной части страны.

– Очень дорого! – вставил Слоткин.

– Да, – согласился Чарли, – возможно, было бы благоразумней переехать куда-нибудь в глубинку, где моих денег хватило бы на дольше. Черт, невероятно, как дорого все стоит в наше время!

Мод положила руку мужу на плечо.

– Что-то сомнительно все это, – прошептала она. – Ты слыхом не слыхивал о нем сорок лет, и вдруг он объявляется, явно обедневший, только для того, чтобы нанести нам теплый дружеский визит. А что дальше?

– Он сказал, что просто хотел повидаться, в память о прошлом.

Мод фыркнула.

– И ты ему веришь?

Обеденный стол выглядел как открытый ларец с драгоценностями; всполохи свечей играли на тысячах идеальных поверхностях – на столовом серебре, фарфоре, гранях хрусталя, на рубинах Мод и в исполненных гордости глазах Мод и Эрла. Горничная поставила перед каждым дымящуюся тарелку с супом, приготовленным специально для фотосессии.

– Превосходно! – сказал Слоткин. – А теперь – говорить!

– О чем? – спросил Эрл.

– О чем угодно, – ответила журналистка. – Просто чтобы картинка не получилась постановочной. Поговорите о вашем путешествии. Какова сейчас ситуация в Азии?

На эту тему Эрл не был склонен болтать легкомысленно.

– Вы были в Азии? – спросил Чарли.

Эрл улыбнулся.

– Индия, Бирма, Филиппины, Япония. В общей сложности мы с Мод потратили два месяца на наблюдения за тамошней ситуацией.

– Мы с Эрлом совершили все местные экскурсии, какие там предлагались, – подхватила Мод. – Ему было просто необходимо увидеть собственными глазами, что там происходит.

– Беда Государственного департамента в том, что они живут в башне из слоновой кости, – заметил Эрл.

За бликами объектива и вспышками магния Эрл видел глаза Чарли Фримена. В колледже обсуждение международных проблем со знанием дела было коньком Чарли, Эрл же мог только слушать, кивать и удивляться.

– Да, сэр, – сказал Эрл в заключение, – всем участникам круиза ситуация представлялась почти безнадежной – кроме нас с Мод, и нам потребовалось время, чтобы понять, почему так. Мы осознали, что мы с ней – едва ли не единственные среди них, кто самостоятельно пробил себе дорогу в жизни, кто понимает: с какой бы низкой точки ты ни стартовал, ты можешь пробиться на самый верх, если тебе достанет смелости и решимости. – Он сделал паузу. – В азиатской ситуации нет ничего, что нельзя было бы исправить, имея определенную смелость, здравый смысл и умение делать дело.

– Рад слышать, что все так просто, – сказал Чарли. – Я боялся, что там все гораздо сложнее.

Эрл, не без оснований считавший себя человеком, с которым очень легко поладить, оказался в непривычном положении: он страшно обозлился на другого человека. Чарли Фримен, который явно потерпел неудачу, в то время как Эрл высоко вознесся в этом мире, открыто умалял одно из достижений Эрла, коим тот очень гордился, – его знание Азии.

– Чарли, я видел это сам! – воскликнул Эрл. – Я рассуждаю не как очередной тупой кабинетный стратег, который никогда не выезжал за пределы своего города!

Слоткин полыхнул вспышкой.

– Еще раз! – потребовал он.

– Конечно, нет, Эрл, – ответил Чарли. – Это было невежливо с моей стороны. То, что ты сказал, в некотором роде очень верно, но чересчур упрощенно. Такой ход мыслей, возведенный в абсолют, весьма опасен. Мне не следовало тебя перебивать. Просто это предмет, который меня очень интересует.

Эрл почувствовал, как кровь прилила у него к лицу: якобы извиняясь, Чарли утвердил себя бóльшим авторитетом по Азии, чем Эрл.

– Может быть, и я имею право на собственное мнение в этом вопросе, Чарли? Я только что оттуда, я тесно общался там с людьми, понял, как они мыслят, и многое другое.

– Видели бы вы, как он отчитывал китайских коридорных в Маниле! – вклинилась Мод, вызываясь глядя на Чарли.

– Ну а теперь, – сказала журналистка, сверяясь со своим сценарием, – последнее, что мы хотим снять: вы вдвоем входите в дом с чемоданами и останавливаетесь в изумлении – ну, как будто вы только что приехали.

У себя в спальне Эрл и Мод снова, в который раз, послушно переоделись – в ту одежду, в которой приехали. Эрл изучал свое лицо в зеркале, примеряя выражение приятного удивления и стараясь не позволить Чарли Фримену испортить ему этот важнейший в жизни день.

– Он останется на ужин и будет ночевать? – спросила Мод.

– Да, черт возьми. Разговаривая с ним по телефону, я старался быть гостеприимным приятелем, а он, не думая ни секунды, согласился, когда я предложил ему остановиться здесь, а не в отеле. Теперь осталось только локти кусать.

– Господи! А если он проторчит здесь целую неделю?

– Кто знает? Слоткин не дал мне возможности хоть о чем-нибудь расспросить Чарли.

Мод сдержанно кивнула.

– Эрл, что все это означает?

– Что – все?

– Я хочу сказать, пытался ли ты свести все воедино: старая одежда, его бледность и эта оговорка, что теперь дела у него лучше, чем он мог надеяться полгода назад, книги, телевизор?.. Ты слышал, как он спрашивал Конверса о книгах?

– Да, это меня тоже удивило, потому что Чарли всегда был заядлым книголюбом.

– Здесь все бестселлеры, а он ни об одном даже не слышал! И насчет телевизора он вовсе не шутил. Он на какое-то время просто выпадал из жизни, это точно.

– Может, болел? – предположил Эрл.

– Или сидел в тюрьме, – прошептала Мод.

– Господь с тобой! Ты же не думаешь...

– «Подгнило что-то в датском королевстве» – вот что я думаю, – сказала Мод. – И я не хочу, чтобы он дальше тут ошивался. Неужели нельзя ничего придумать? Я все пытаюсь понять, что ему здесь нужно. И единственное разумное объяснение, которое приходит в голову: он явился, чтобы хитростью выманить у тебя все деньги, тем или иным способом.

– Ну ладно, ладно. – Эрл жестом показал, чтобы она говорила потише. – Давай вести себя как можно дружелюбней и постараемся выдворить его деликатно.

– Но как?

Подумав, они разработали план, который сочли достаточно деликатным: как покончить с пребыванием Чарли еще до ужина.

– Ну, фсе... фсе, кватит, – сказал фотограф и дружески подмигнул Эрлу и Мод, словно впервые сейчас заметил, что они – живые люди. – Збасибо. Кароший упаковк ви жить. – Он сделал последний снимок, собрал свое оборудование, поклонился и вышел вместе с Лу Конверсом и журналисткой.

Оттягивая момент, когда придется остаться наедине с Чарли, Эрл присоединился к горничной и Мод в поисках магниеых ламп, которые Слоткин разбросал повсюду. Когда последняя из них была найдена, Эрл смешал два мартини и устроился на кушетке лицом к Чарли, сидевшему на такой же кушетке напротив.

– Ну, Чарли, вот мы и одни.

– Вижу, Эрл, ты тоже прошел большой путь, не так ли? – сказал Чарли, поднимая руки ладонями вверх, чтобы выразить свое восхищение домом-мечтой. – У тебя много научной фантастики на полках. Но *настоящая* научная фантастика – твой дом.

– Ну да, – сказал Эрл.

Эта лесть – начало, подступ к чему-то, вероятно, ловушка, подумал Эрл. Он был решительно настроен не поддаваться на куртуазные манеры Чарли.

– Но это почти в порядке вещей для Америки – для человека, который не боится тяжелого труда, – заметил он.

– В порядке вещей – вот это?!

Эрл пристально посмотрел на гостя, пытаясь понять, не насмехается ли над ним Чарли снова.

– Если тебе показалось, что я немного расхвастался перед этими людьми из дурацкого журнала, – сказал он, – то, думаю, у меня есть кое-какие основания для гордости. Этот дом – гораздо больше, чем просто дом. Это – история моей жизни, Чарли, что-то вроде моей персональной пирамиды.

Чарли поднял стакан и провозгласил тост:

– Так пусть же он простоит столько же, сколько Великие египетские пирамиды Гизы!

– Спасибо, – сказал Эрл и решил: теперь пора заставить Чарли защищаться. – Ты ведь врач, Чарли? – спросил он.

– Да. Получил степень в тысяча девятьсот шестнадцатом.

– Угу. И где ты практикуешь?

– Староват я для того, чтобы снова начинать практиковать. За последние годы медицина в этой стране так далеко шагнула вперед, боюсь, я подотстал.

– Понимаю. – Эрл мысленно перебрал причины, которые могут привести врача в столкновение с законом, и небрежно поинтересовался: – А что это тебе вдруг пришло в голову навесить меня?

– Мой корабль пришвартовался здесь, и я вспомнил, что это твой родной город, – ответил Чарли. – Семьи у меня не осталось, и, пытаясь начать здешнюю жизнь заново, я подумал, не навесить ли мне старых друзей студенческих лет. А раз корабль зашел именно сюда, ты оказался первым.

Значит, сейчас он начнет рассказывать сказку о том, что его долго не было в стране, подумал Эрл. Еще один подвох.

– Я лично не поддерживаю связей со студенческой компанией, – сказал он и, не удержавшись от подковырки, добавил: – Кучка снобов, я был рад расстаться с ними и забыть о них навсегда.

– Да поможет им Бог, если они не переросли свои смехотворные социальные убеждения студенческих лет, – сказал Чарли.

Эрл был ошеломлен горечью, с какой Чарли это произнес, и, не понимая причины, поспешил сменить тему.

– Значит, ты долго жил за границей? А где именно?

Крик Мод из столовой, согласно плану, прервал их беседу:

– Эрл! Случилась ужасная неприятность!

– Что такое? – Эрл изобразил недоумение.

– Анджела, – сказала Мод, появляясь в дверях и, повернувшись к Чарли, пояснила: – Это моя сестра. Эрл, только что позвонила Анджела, сказала, что они с Артуром и детьми приезжают сегодня перед ужином, и спросила, не можем ли мы принять их на ночь.

– Господи! – воскликнул Эрл. – Как же мы сможем это сделать? Их же пятеро, а у нас всего две гостевые комнаты, и у нас уже гостит Чарли...

– Нет-нет, – перебил его Чарли. – Скажите им, чтобы приезжали. Я так или иначе собирался ночевать в отеле, к тому же у меня есть еще кое-какие дела, так что я все равно не смог бы у вас остаться.

– Ну, раз так, ладно, – согласился Эрл.

– Конечно, если нужно идти... Нужно – значит, нужно, – подхватила Мод.

– Да, мне еще многое необходимо сделать. Прошу меня извинить. – Не допив свой мартини, Чарли направился к двери, но прежде чем выйти, обернулся и сказал: – Спасибо. Было очень приятно повидать вас. Завидую вашей «упаковке».

– Веди себя прилично, – пошутил Эрл и со вздохом облегчения закрыл дверь за гостем, передернув плечами.

Эрл еще стоял в коридоре, с удивлением размышляя о том, как может измениться человек за сорок лет, когда раздался низкий приятный перезвон дверного колокольчика. Эрл осторожно открыл дверь. На пороге стоял Лу Конверс, подрядчик. На противоположной стороне улицы Чарли Фримен как раз садился в такси.

Лу помахал ему рукой и снова повернулся к Эрлу.

– Привет! Не подумайте, что я напрашиваюсь на ужин. Я вернулся за шляпой. Думаю, что забыл ее в оранжерее.

– Входите, – сказал Эрл, провожая взглядом такси, исчезавшее в направлении центра города. – Мы с Мод как раз собираемся отпраздновать новоселье. Почему бы и вам не остаться на ужин? И кстати, раз уж вы здесь, покажите нам, как работают некоторые устройства.

– Благодарю за приглашение, но меня ждут дома. Однако я, конечно, могу ненадолго задержаться, чтобы объяснить то, что вам непонятно. Жаль только, что Фримен не остался.

Мод подмигнула Эрлу.

– Мы упрасивали его, но он сказал, что у него куча дел.

– Да, мне показалось, что он куда-то спешил. Знаете, – задумчиво произнес Конверс, – с такими людьми, как Фримен, очень непросто общаться. Они заставляют чувствовать себя одновременно и хорошо, и плохо.

– Нет, ты только подумай, Мод! – обратился к жене Эрл. – Лу интуитивно почуял в Чарли то же, что и мы! А что конкретно вы подразумеваете, Лу, под чувствовать себя одновременно и хорошо, и плохо?

– Ну, хорошо – потому что приятно сознавать, что в мире еще есть такие люди, как он, – ответил Конверс, – а плохо – потому что, когда встречаешь такого человека, не можешь не задумываться о том, на что, черт возьми, ушла твоя собственная жизнь.

– Не понял, – озадаченно сказал Эрл.

Конверс пожал плечами.

– Бог свидетель, не все способны посвятить свою жизнь тому, чему посвятил он. Не всем дано стать героями. Но, думая о Фримене, я чувствую, что, наверное, и я мог бы сделать немного больше, чем сделал.

Эрл и Мод переглянулись.

– А что рассказал вам о себе Чарли, Лу? – спросил Эрл.

– Нам со Слоткином не много удалось узнать от него. У нас ведь было всего несколько минут, пока вы с Мод переодевались; я надеялся, что когда-нибудь вы расскажете мне его историю подробнее. Единственное, что он успел рассказать, так это то, что последние тридцать лет провел в Китае. А потом я вспомнил, что сегодня утром в газете была опубликована большая статья о нем, только я сначала не сопоставил имена. Вот из этой-то статьи я и узнал, что он отдал все свои деньги на больницу там, в Китае, и руководил ею, пока коммунисты не упрятали его в тюрьму, а потом выкинули из страны. Потрясающая история.

– М-да, – мрачно произнес Эрл, прервав наконец долго стоявшую тишину. – Действительно потрясающая. – Он обнял за талию Мод, не отводившую взгляда от гриля на террасе, и, легонько сжав ее, добавил: – Я говорю: потрясающая история, да, мамочка?

– Но мы ведь в самом деле просили его остаться, – сказала она.

– Это совсем на нас не похоже, Мод, а если похоже, то я не хочу, чтобы так было впредь. Давай посмотрим правде в глаза, милая.

– Звони ему в отель! – сказала Мод. – Вот что мы сделаем: мы скажем, что произошла ошибка, что моя сестра не... – От сознания того, что исправить уже ничего нельзя, голос ее прервался. – Ах, Эрл, дорогой, ну почему он должен был приехать именно сегодня? Всю жизнь мы трудились ради этого дня, а потом он приехал и все испортил.

– Да, более неподходящего момента он выбрать не мог. – Эрл вздохнул. – Но обстоятельства бывают неумолимы.

Конверс смотрел на них с недоумением и сочувствием.

– Ну, дела есть дела, ничего не попишешь, – сказал он. – Это никак не умаляет вашего гостеприимства. Видит бог, нет в стране других хозяев, чей дом был бы лучше приспособлен для приема гостей, чем ваш. Чтобы удовлетворить любое желание гостя, вам достаточно повернуть выключатель или нажать нужную кнопку.

По мягкому ковру Эрл пересек комнату и подошел к панели с кнопками, располагавшейся возле книжных полок. Он наугад нажал одну из них, и свет от спрятанных в кустах прожекторов залил все пространство вокруг дома.

– Не та.

Он нажал другую – ворота гаража с грохотом закрылись.

– Нет.

Он нажал еще одну – в дверях появилась горничная.

– Вы звонили, мистер Фентон?

– Простите, это ошибка, – сказал Эрл. – Это не то, чего я хотел.

Конверс нахмурился.

– А что, собственно, вы ищете, Эрл? – спросил он.

– Мы с Мод хотели бы начать этот день сначала, – ответил Эрл. – Покажите мне, на какую кнопку надо нажать, Лу.

Бездарь

(Перевод А. Комаринца)

Была осень, и деревья за стенами школы в городе Линкольн становились того же ржавого цвета, что и голые кирпичные стены в репетиционном зале оркестра. Джордж М. Гельмгольц, руководитель отделения музыки и дирижер, был окружен футлярами и складными стульями, и на каждом стуле сидел очень молодой человек в нервной готовности продудеть что-нибудь или – в случае секции ударных – что-нибудь отбить, едва мистер Гельмгольц взмахнет белой палочкой.

Мистер Гельмгольц, человек лет сорока, который считал свой огромный живот признаком здоровья, силы и достоинства, ангельски улыбался, словно вот-вот выпустит на волю самые изысканные звуки, какие когда-либо слышало ухо человека. Палочка скользнула вниз.

– Блю-ю-юмп! – сказали большие сузафоны.

– Бле-е! – откликнулись валторны.

И корпящий, визжащий, сварливый вальс начался.

Выражение на лице мистера Гельмгольца не изменилось, когда басы сбились с такта, когда деревянные духовые растерялись и стали неразборчивы, лишь бы никто не заметил ошибки, а секция ударных звучала как битва при Геттисберге.

– А-а-а-а-та-та, а-а-а-а, та-та-та-та! – Звучным тенором мистер Гельмгольц запел партию первого корнета, когда первый корнетист, побагровевшей и потеющий, сдался и обмяк на стуле, опустив на колени инструмент.

– Саксофоны, я вас не слышу, – крикнул мистер Гельмгольц. – Хорошо!

Это был оркестр «В», и для оркестра «В» играл неплохо. На пятой репетиции за учебный год нечего ждать лучшей сыгранности. Большинство учеников только поступили в оркестр и за предстоящие годы в школе приобретут достаточно артистизма, чтобы перейти в оркестр «Б», репетиция которого начнется через час, и, наконец, лучшие из них завоюют места в гордости города – в оркестре «Десять рядов» линкольнской школы, иначе называемом «А».

Футбольная команда проигрывала половину матчей, баскетбольная команда проигрывала две трети своих, но оркестр – за десять лет под началом у мистера Гельмгольца – до прошлого июня не уступал никому. Он первым в штате использовал в парадных шествиях жонглеров с флагами, первым включил в программу хоровые номера помимо инструментальных, первым широко применил тройное модулирование, первым прошел головокружительным ускоренным маршем, первым зажег фонарь в своем большом барабане. Школа поощрила музыкантов оркестра «А» свитерами с буквами своего названия, и свитера пользовались огромным уважением – как и следовало. Оркестр десять лет кряду побеждал на конкурсе школ штата – до провала в июне.

Пока оркестранты «В» один за другим выпадали из вальса так, словно из вентиляции струился перечный газ, мистер Гельмгольц продолжал улыбаться и помахивать палочкой уцелевшим и мрачно обдумывал поражение, которое потерпело его детище в июне, когда школа Джонстауна победила секретным оружием – большим барабаном, семи футов в диаметре. Судьи, будучи не музыкантами, а политиками, слышали и видели только это «восьмое чудо света», и с тех пор мистер Гельмгольц тоже ни о чем больше не думал. Но школьный бюджет и так кренился от расходов на оркестр. Когда попечительский совет выделял последнее спещассигнование, о котором мистер Гельмгольц так отчаянно умолял (деньги на проволочные плюмажи с мигалками и батарейками для вечерних матчей, – все сооружение предполагалось

прикручивать к шапкам оркестрантов), то заставил его, как запойного пьяницу, поклясться, что, помоги ему господи, это последний раз.

Сейчас в оркестре «В» звучали только двое: кларнет и малый барабан, оба играли громко и гордо, – и безнадежно фальшиво. Мистер Гельмгольц, очнувшись от сладкой грезы о барабане большем, чем тот, что его одолел, прикончил вальс из милосердия, постучав палочкой по пюпитру.

– Ладненько, ладненько, – весело сказал он и ободряюще кивнул, выражая свои поздравления двоим, продержавшимся до горького конца.

Уолтер Пламмер, кларнетист, отреагировал с торжественностью солиста на концерте, который принимает овацию, возглавленную дирижером симфонического оркестра. Он был невысоким, но с широкой грудью и мощными легкими, которые разработал себе за многократные летние месяцы на дне того или другого плавательного бассейна, и ноту мог держать дольше любого в оркестре «А», гораздо дольше – но и только. Сейчас Пламмер приоткрыл усталые, покрасневшие губы, показывая два больших передних зуба, придававших ему сходство с белкой, поправил язычок инструмента, размял пальцы и стал ждать, когда его призовут на следующие подвиги виртуозности.

«Уже третий год Пламмер в оркестре «В», – думал мистер Гельмгольц со смесью жалости и страха. Ничто не могло поколебать решимости Пламмера заслужить право носить одну из священных букв оркестра «А», но до исполнения его желаний было пугающе далеко.

Мистер Гельмгольц пытался объяснить Пламмеру, что его честолюбие направлено в ложное русло, советовал другие области, где можно применить прекрасные легкие и энтузиазм, области, где слух не так важен. Но Пламмер был влюблен – не в музыку, а в свитера с буквами. Будучи глух к нотам как вареная капуста, он не видел в собственной игре ничего, что его бы обескуражило.

– Помните, – обратился к оркестру «В» мистер Гельмгольц, – в пятницу день проб, так что будьте готовы. Стулья, на которых вы сидели сегодня, назначались произвольно. В день проб от вас будет зависеть, как вы себя проявите и какого стула на самом деле заслуживаете.

Он избегал встречать взгляд сузившихся, уверенных глаз Пламмера, который занял стул первого кларнетиста, не справившись с планом рассадки на доске объявлений. День проб устраивали раз в две недели, и в этот день любой оркестрант мог потягаться за место с тем, кто выше его. Судьей выступал мистер Гельмгольц.

Рука Пламмера поднялась, пальцы защелкали.

– Да, Пламмер? – сказал мистер Гельмгольц.

Из-за Пламмера он стал бояться дня проб. Он начал называть его про себя днем Пламмера. Пламмер никогда не бросал вызов оркестранту из «В» или даже «Б», но всегда штурмовал организацию с самой ее вершины, состязаясь – к несчастью, такое право имели все учащиеся, – только с оркестрантами из «А». Пустая трата времени оркестра «А» сама по себе раздражала, но гораздо мучительнее для мистера Гельмгольца было выражение пораженного неверия на лице Пламмера, когда он слышал решение дирижера Гельмгольца, мол, он играл не лучше тех, кого вызвал побороться.

– Мне бы хотелось прийти сегодня на репетицию оркестра «А», мистер Гельмгольц, – сказал Пламмер.

– Хорошо... Если ты считаешь, что тебе по силам.

Пламмеру всегда было по силам, и много большим сюрпризом стало бы, объяви он, что не будет присутствовать на репетиции оркестра «А».

– Мне бы хотелось потягаться с Флэммером.

Шорох нот и шелканье замков на футлярах замерли. Флэммер был первым кларнетистом оркестра «А», гением, бросить вызов которому не хватило бы наглости даже оркестрантам «А».

Мистер Гельмгольц прокашлялся.

– Восхищен твоим задором, Пламмер, но не слишком ли высоко ты метишь для начала года? Может, тебе следовало бы начать, скажем, с Эда Дилейни?

Дилейни занимал последний стул в оркестре «Б».

– Вы не понимаете, – сказал Пламмер. – Разве вы не заметили, что у меня новый кларнет?

– Гм? Э... да, действительно новый.

Пламмер погладил атласно-черный ствол инструмента, словно это был меч короля Артура, наделяющий волшебной силой любого, кто им обладает.

– Не хуже, чем у Флэммера, – сказал Пламмер. – Даже лучше.

В его голосе прозвучало предостережение, мол, дни дискриминации миновали, мол, никто в здравом уме не посмеет затирать человека с таким инструментом.

– Э-э-э... – сказал мистер Гельмгольц. – Ну, увидим, увидим.

После репетиции его притиснули к Пламмеру в людном коридоре. Пламмер мрачно втолковывал желторотому оркестранту из «В»:

– Знаешь, почему наш оркестр проиграл в июне джонстаунцам? – спрашивал Пламмер, как будто не ведая, что мистер Гельмгольц стоит у него за спиной. – Потому что людей перестали выделять по достоинствам. В пятницу гляди в оба.

Мистер Джордж М. Гельмгольц жил в мире музыки, и даже пульсация головной боли являлась музыкально, хотя и мучительно, хриплым уханьем большого барабана, семи футов в диаметре. Заканчивался первый день проб нового учебного года. Он сидел у себя в гостиной с полотенцем на лбу и ожидал очередного «бу-бух» – удара вечерней газеты, брошенной о фасад его дома Уолтером Пламмером, разносчиком.

С недавних пор мистер Гельмгольц говорил себе, что в день проб обошелся бы, пожалуй, без газеты, ведь к ней прилагался Пламмер. Газета была доставлена с обычным грохотом.

– Пламмер! – крикнул он.

– Да, сэр? – откликнулся с тротуара Пламмер.

Мистер Гельмгольц прошаркал в шлепанцах к двери.

– Прошу, мой мальчик, – сказал он, – разве мы не можем быть друзьями?

– Конечно, почему нет? – сказал Пламмер. – Что было, то было, я так всегда говорю. – Он горько изобразил подобие дружеского смешка. – С водой утекло. Прошло два часа с тех пор, как вы проткнули меня ножом.

Мистер Гельмгольц вздохнул.

– У тебя есть минутка? Пора нам поговорить, мой мальчик.

Пламмер спрятал стопку газет под живой изгородью и вошел в дом. Мистер Гельмгольц жестом указал на самое удобное кресло в комнате, то, в котором до того сидел сам. Но Пламмер предпочел примоститься на краешке жесткого стула с прямой спинкой.

– Мой мальчик, – начал руководитель оркестра. – Господь создал самых разных людей: одни умеют быстро бегать, другие – писать замечательные рассказы, третьи – рисовать картины, четвертые – продать что угодно, а кое-кто способен творить прекрасную музыку. Но он не создал никого, кто мог бы делать хорошо все разом. Часть процесса взросления – искать, что мы способны делать хорошо, а что нет. – Он похлопал Пламмера по плечу. – Последнее – узнавать, чего мы хорошо не умеем, больше всего причиняет боли, когда взрослеешь. Но с этим приходится столкнуться каждому, а потом надо продолжать искать свое истинное «я».

Голова Пламмера все ниже опускалась ему на грудь, и мистер Гельмгольц поспешил дать лучик надежды.

– Флэммер, например, никогда бы не сумел наладить развозку газет, вести отчетность, подыскивать новых клиентов. У него нет нужной жилки, он не сумел бы даже под страхом смерти.

– А вы правы, – с неожиданной живостью сказал Пламмер. – Нужно быть ужасно однобоким, чтобы ты был в чем-то так хорош, как Флэммер. Думаю, лучше постараться округлиться. Да, Флэммер меня честно сегодня побил, и я не хочу, чтобы вы считали, будто я в обиде. Меня не то заедает.

– Очень взрослые слова, – сказал мистер Гельмгольц. – Но я говорил о том, что у всех нас есть свои слабые стороны, и...

Пламмер от этого отмахнулся.

– Вам незачем мне объяснять, мистер Гельмгольц. Учитывая, какую большую вы проделали работу, просто чудо, что у вас получилось.

– Постой-ка, Пламмер! – сказал мистер Гельмгольц.

– Я только прошу, чтобы вы поставили себя на мое место, – сказал Пламмер. – Едва я вернулся с состязания с музыкантами «А», едва я всю душу себе вывернул, играя, как вы спустили на меня малышню из оркестра «В». Мы-то с вами знаем, что мы просто давали им понять, что такое день проб, и что я совершенно выдохся. Но разве вы им про это сказали? Ха, ничего вы не сказали, мистер Гельмгольц, а теперь детишки думают, будто способны играть лучше меня. Вот только это меня и саднит, мистер Гельмгольц. Они считают, я не просто так на последнем стуле в оркестре «В».

– Пламмер, – начал мистер Гельмгольц, – я давно старался сказать тебе как можно мягче, но единственный способ до тебя достучаться – сказать напрямик.

– Валяйте, и отбросим критику, – сказал Пламмер, вставая.

– Отбросим?

– Отбросим. – Беспрекословно заканчивая разговор, он направился к двери. – Я, наверное, перечеркиваю свои шансы попасть в оркестр «А», когда так скажу, мистер Гельмгольц, но, честно говоря, инциденты вроде случившегося со мной сегодня как раз и стоили вам победы на конкурсе оркестров в прошлом июне.

– Это был семифутовый барабан!

– Ну так добудьте такой для Линкольна и увидите, что у вас получится.

– Да я правую руку за него бы отдал! – сказал мистер Гельмгольц, забывая, о чем шла речь, и помня только свою всепоглощающую мечту.

Пламмер помешкал на пороге.

– Вроде того, с каким выходят на парады «Рыцари Кандагара»?

– В точку! – Перед глазами мистера Гельмгольца замаячил гигантский барабан «Рыцарей Кандагара», неременный атрибут любого местного парада. Он попытался представить его себе с пантерой школы Линкольна на боку. – Как раз то, что надо!

К тому времени, когда руководитель оркестра вернулся на землю, Пламмер уже оседлал велосипед.

Мистер Гельмгольц открыл было рот окликнуть Пламмера, вернуть его и сказать напрямик, что у него нет ни малейшего шанса когда-либо выбраться из «В», что он никогда не поймет, что цель оркестра издавать не звуки вообще, а особые звуки. Но Пламмер уже был таков.

Получив временную передышку до следующего дня проб, мистер Гельмгольц сел наслаждаться вечерней газетой, где прочел, что добропорядочный казначей «Рыцарей Кандагара» исчез с капиталами организации, оставив по себе неоплаченные счета за последние полтора года.

«Мы выплатим все до цента, даже если придется распродать имущество ложи. Разумеется, кроме Священного Скипетра, – заявил верховный гофмейстер внутреннего храма».

Мистер Гельмгольц не знал ни одного из вышеупомянутых лиц, он зевнул и перелистнул на раздел комиксов. Потом охнул и вернулся к первой странице. Он нашел номер в телефонном справочнике и позвонил.

– Пи-пи-пи-пи, – раздался у него в ухе сигнал «занято».

Он уронил трубку на рычаг. Сотни людей, думал он, пытаются, наверное, в этот самый момент связаться с верховным гофмейстером внутреннего храма «Рыцарей Кандагара». Он возвел очи к осыпающемуся потолку: пусть, взмолился он, никому не понадобится по дешевке возимый на тележке барабан.

Он набирал снова и снова и всякий раз слышал «занято». Чтобы как-то снять нарастающее напряжение, он вышел на крыльцо. «Я единственный, кому нужен барабан, – говорил он себе, – а потому могу назвать свою цену». Господи всемогущий! Да его, наверное, за пятьдесят долларов удастся получить! Он заплатит из своих денег, а через три года, когда вся сумма за плюмажи с мигалками будет выплачена сполна, уговорит школу возместить расходы.

Он хохотал, как Санта-Клаус из универмага, когда его взгляд упал с небес на его же собственный газон, и он углядел забытые Пламмером газеты, так и оставшиеся под живой изгородью.

Войдя в дом, он опять позвонил верховному гофмейстеру – с тем же результатом. Потом он позвонил домой Пламмеру, чтобы дать ему знать, где затерялось недоставленное адресатам. Но и там линия была занята.

Он звонил попеременно то Пламмеру, то верховному гофмейстеру еще четверть часа, пока наконец не услышал длинные гудки.

– Аллю? – сказала миссис Пламмер.

– Это мистер Гельмгольц, миссис Пламмер. Уолтер дома?

– Был тут минуту назад, звонил по телефону, но только что вылетел пулей.

– Искал свои газеты? Он оставил их под моей спиреей.

– Вот как? Господи, я понятия не имею, куда он пошел. Он ничего про газеты не говорил, но, кажется, я слышала что-то про продажу кларнета. – Она вздохнула, потом рассмеялась. – Имея собственные деньги, дети становятся ужасно независимыми. Он никогда мне ничего не рассказывает.

– Ну... тогда скажите ему, что, на мой взгляд, даже лучше, что он продал кларнет. И скажите ему, где газеты.

Что Пламмер наконец прозрел относительно своей карьеры в музыке, было неожиданной и приятной новостью. Теперь дирижер набрал номер из телефонного справочника ради новых приятных новостей. На сей раз он дозвонился, но, к разочарованию своему, узнал, что верховный гофмейстер только что уехал по какому-то делу ложи.

Многие годы мистер Гельмгольц умудрялся сохранять улыбку и не терять головы на репетициях оркестра «В». Но наутро после бесплодных попыток разузнать что-либо о большом барабане «Рыцарей Кандагара» защитные барьеры спали, и ядовитая музыка проникала до глубин его души.

– Нет, нет, нет! – в муках кричал он.

Он швырнул дирижерской палочкой о кирпичную стену.

Упругая палочка отскочила от кирпича и ударилась о пустой складной стул на задах секции кларнета – о пустой стул Пламмера.

Подбирая палочку, мистер Гельмгольц неожиданно поймал себя на мысли, что его очень тронул символ незанятого стула. Никто больше, каким бы бездарным он ни был, не смог бы занимать последний стул в оркестре так хорошо, как Пламмер. Подняв взгляд, мистер Гельмгольц обнаружил, что многие оркестранты вместе с ним вглядываются в стул, словно и они тоже ощущали: исчезло нечто великое – в фаталистическом смысле, – и жизнь потому станет немного скучнее.

В десятиминутный перерыв между репетициями оркестров «В» и «Б» мистер Гельмгольц поспешил к себе в кабинет и попытался снова связаться с верховным гофмейстером «Рыцарей Кандагара». Тщетно!

– Один бог знает, куда он на сей раз подевался, – сказали мистеру Гельмгольцу. – Он заскочил, но сразу ушел. Я передала, что вы звонили, так что он, наверное, вам перезвонит, когда у него будет свободная минутка. Вы ведь джентльмен с барабаном, верно.

– Именно... джентльмен с барабаном.

В коридоре визжали звонки, возвещая начало нового урока. Мистеру Гельмгольцу хотелось остаться у телефона, пока не поймает верховного гофмейстера и не заключит сделку, но оркестр «Б» ждал, а после него будет оркестр «А».

На него снизошло озарение. Он позвонил в «Вестерн Юнион» и послал гофмейстеру телеграмму с оплаченным ответом и предложением пятидесяти долларов за барабан.

Но во время репетиции оркестра «Б» ответа не последовало. Не прибыл он и к середине репетиции оркестра «А». Музыканты, народ чуткий и нервный, сразу поняли, что их дирижер не в своей тарелке, и репетиция шла плохо. Мистер Гельмгольц остановил марш на середине, так как кто-то тряс снаружи большие двойные двери в дальнем конце репетиционного зала.

– Ладно, ладно, давайте подождем, пока гам не стихнет, не то нам самих себя не слышно, – сказал мистер Гельмгольц.

В этот момент посыльный подал ему телеграмму. Мистер Гельмгольц вскрыл конверт, и вот что он прочел:

«БАРАБАН ПРОДАН ТЧК ЧУЧЕЛО ВЕРБЛЮДА НА КОЛЕСАХ
ПОДОЙДЕТ ВПР ЗНК».

Двойные двери распахнулись с визгом ржавых петель. Холодный осенний ветер забросал оркестр листьями. В огромном проеме стоял Пламмер, запыхавшийся и потеющий, впряженный в барабан размером с луну в осеннее равноденствие!

– Знаю, сегодня не день проб, – сказал Пламмер, – но я подумал, может, в моем случае вы сделаете исключение.

Он вошел с величавым достоинством, за ним раскатисто жаловалась его гигантская упряжка.

Мистер Гельмгольц бросился ему навстречу. Он обеими руками сдавил правую Пламмера.

– Пламмер, мальчик мой! Ты нам его добыл! Какой ты молодец! Я тебе возмещу! Сколько бы ты ни заплатил, возмещу, – воскликнул он и от радости опрометчиво добавил: – И с лихвой, ты внакладе не останешься. Какой ты молодец!

– Продать барабан? – сказал Пламмер. – Я вам его подарю, когда закончу школу. Я хочу только играть на нем в оркестре «А», пока я здесь.

– Но, Пламмер, – сказал мистер Гельмгольц, – ты же ничего в барабанах не смыслишь.

– Буду усердно практиковаться, – ответил Пламмер.

Он начал задвигать свой инструмент в проход между тубами и тромбонами, в сторону секции ударных, и изумленные музыканты поспешили потесниться.

– Минутку, – сказал мистер Гельмгольц, хмыкая, словно Пламмер пошутил, и прекрасно понимая, что это не так. – Играть на барабане не значит колотить по нему, когда заблагорассудится, знаешь ли. Нужны годы, чтобы научиться быть барабанщиком.

– Ну, – протянул Пламмер, – чем скорее начну, тем скорее научусь.

– Я хотел сказать, что, боюсь, ты еще некоторое время будешь не готов для оркестра «А».

Пламмер перестал возиться с инструментом.

– Сколько еще? – спросил он.

– Э... эдак годика через два, наверное. А пока ты мог бы одолжить свой барабан оркестру. Пока не будешь готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.